

(((СОНАР)))

№ 3

Издательство (((СОНАР))) , Хайфа

**В редколлегии (((СОНАР)))
все редакторы – главные.**

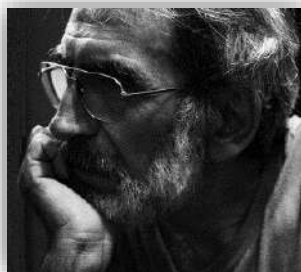

Борис Годин

Эйтан Адам

**Анатолий
Анимица**

Алекс Манфиш

Марина Симкина

СОДЕРЖАНИЕ

ЭЙТАН АДАМ	3
ЧЕРНО-БЕЛЫЕ ЦВЕТЫ	3
МАРИНА СИМКИНА Стихи.....	23
КАК НЕ БЫЛ ДЕНЬ.....	23
МАРК ШЕХТМАН.....	32
«Розовый единорог», или Рассказ о двух поэтах	32
ХАНОХ ДАШЕВСКИЙ.....	44
СТИХИ ИЗ РОМАНА «РОГ МЕССИИ».....	44
АЛЕКС МАНФИШ Эссе	61
И вновь о неразрешимом	61
СОФИЯ ШЕГЕЛЬ <i>Рассказы</i>	101
Под забором	101
Надо успеть	103
Раз надо... ..	105
СОФИЯ ШЕГЕЛЬ <i>Стихи</i>	110
ЕЛЕНА ТЕКС	113
ПЕРЕВОДЫ С УКРАИНСКОГО СТИХОВ ЛИНЫ КОСТЕНКО	113
ЛЕОНИД ДЫНКИН	123
Вид из окна <i>Сценарий</i>	123
ЯКОВ БАСИН	127
Еврейский Циолковский	127

Проф. В. Г. ГЛАЗУНОВ, инж. А. А. АНИМИЦА.....	165
Катастрофа Ту-154 на взлете с аэродрома Сочи (Адлер) 25 декабря 2016 года. <i>Взгляд авиационного метеоролога</i>	165
Об авторах, и редакторах.....	174
ГАЛЕРЕЯ (((СОНАР))).....	179
АННА ХОЧКИНА.....	179
Немного о себе.....	179
Этюд. 50x50, холст, масло, 2021	181
Хрен. 50x60, холст, масло, 2015.....	183
Лукоморье. 150x200, холст, масло, 2014.....	186
Майорка. 35x50 см холст, масло, окт. 2013	187
Ночь. 50x60, холст, масло, 2018.....	188
Оживление. 60x80, холст, масло, 2017.....	189
Три дерева кармы. 170 x 100, картина на дереве, масло	190

ЭЙТАН АДАМ

ЧЕРНО-БЕЛЫЕ ЦВЕТЫ

Надежда

Виктории

Как кровь течет из рваной пасти
Собаки, сбитой на шоссе,
Так жизнь моя течет сквозь пальцы
И исчезает на песке.
Кольцо впивается в фалангу.
Свобода – сладостная бредь.
Скаль зубы и встречай хозяйку,
Как окольцованный медведь.

Нет счастья здесь. Нет счастья свыше.
Молись как можешь – дело швах...
Я вышел. Я из клетки вышел,
Хоть и остался в кандалах.

Душа вспорхнет дроздом на ветку,
И звуков плещется поток...
Я сам построил эту клетку!
Я сам приладил к ней замок!

А жизнь течет, за годом годы,
И зря надежду не ищи...
Как он пьянит – глоток свободы
Для арестованной души!
Не может быть – что так навечно,
Что в морг приеду в кандалах!

И удаляется надежда
На тонких легких каблуках.

Тель-Авив, 12 Элула 5760 г (12.9.2000)

Моя дорогая В.

Ваше величество Женщина...

Булат Окуджава

Толчок.

Творческий импульс.

Все выходные искал поэтический импульс – ведь вы,
моя дорогая В., любите стихи.

А нашел в прозе, к тому же – в эпистолярной.

Вообще-то, до сих пор все мои опыты в прозе по-
русски были неудачны. А иврит вы еще только учите.
А письма я – сын двадцатого, а не девятнадцатого, века –
никогда не умел писать.

И все же – я вам пишу.

Вы вышли из-за угла, приветственно взмахнули
рукой, я улыбнулся навстречу – знакомство через Интернет,
немного переписки по электронной почте, два телефонных
разговора. Первая встреча. Цветы и конфеты, купленные

полтора часа назад в Хадере у еле продравшего глаза торговца. Едем в кафе по вашему выбору.

И вот мы говорим, говорим, говорим. Перебиваем друг друга. Вы столь трогательны в своем наивном убеждении, что словами, логикой можно переубедить кого угодно. И тут же выговариваете мне за излишнюю математичность формулировок. Справедливо выговариваете. Тем более, что замечаете это и за собой.

Я подвожу вас домой, мне ехать на работу. Как это приятно – целовать женщине руку, как это приятно – говорить женщине «вы»! Как я люблю приметы давно минувших дней!

Кто я такой? По большому счету – неудачник. За душой – хлебная профессия, но алименты и долги съедают большую часть заработка. Слишком разносторонние таланты – написал работу даже по теории музыки. Второй брак лучше первого, но не хорош сам по себе. Дети...

Из первого брака я уходил с боем, с кровью, как лиса из капкана! Мальчики, естественно, остались с матерью, которая ненавидит меня (взаимно). И она, конечно, мстит мне через них. В общем, редко я их вижу.

А теперь – еще двое. И девчушка растет такая, что никуда я от нее не уйду. Разве что прогонят. Кстати, скандал за скандалом.

И – огонь в душе! Колоссальная уверенность, что не зря родился на свет, что мой час еще впереди!

Кафе на берегу моря. Вы ищете лидера. Ну и задача!

Я не лидер. Я умею воевать, но я не завоеватель. Я хожу с пистолетом, но я не убийца. Я люблю женщин, но я не умею их покорять – я их слишком уважаю для этого.

Я провожаю вас домой. Ваша рука в моей, и мне невероятно хорошо! Я пытаюсь вас поцеловать, вы с улыбкой подставляете мне щеку. Тоже хорошо! А какая у вас улыбка!

Если мужчине плохо в семье, а уходить он не уходит, то рано или поздно он начинает искать себе любовницу.

Этим летом у меня в первый раз была любовница. В Израиле среди «русских» много одиноких женщин, нередко с детьми. Вот такая была и у меня. Оля... Без претензий. С ней было спокойно и тепло. Но она работала в разные смены, встречались мы редко – короче, я продолжал поиск. Искал – любовницу. Нашел – любовь.

Я позвонил Оле:

– Здравствуй.

– Здравствуй.

– Оля, ты не представляешь себе, что со мной случилось.

– Что?

– Я влюбился! Но не в тебя.

– Поздравляю!

– Что?

– Я тебя действительно поздравляю! И ты вовсе не обязан был мне звонить, я бы поняла.

– Ну, в конце концов, из элементарной порядочности...

– Неважно. Будь счастлив!

Я влюблен.

Сам себе не верю. Но – факт.

А я уж думал – все, и хватит с меня обычной любовницы, без затей.

Душа – переполнена, чувства бьют ключом, каждая клеточка звенит. И не с кем поговорить!

Есть.

Когда я разводился с первой женой, у меня был роман с М. Она была старше меня, жизнь ее тоже не баловала, она была спокойна и уравновешенна. Она сразу заявила, что роман наш не имеет будущего, но что нам будет хорошо. Когда я – с ее помощью – пришел в себя после развода, она сама – сама! – стала подталкивать меня к поиску. И чуть ли не с рук на руки сдала второй жене. И мы остались друзьями. И она, бывало, плакалась мне в жилетку. И она первая услышала рассказ о проблемах в моей семье и о моей неразделенной любви.

Мне просто необходимо было выговориться.

Мне кажется, вы начинаете избегать меня. Это ваше право. Но мне больно.

В остальном – я на подъеме. С работой – порядок. С творчеством – закончил повесть. Называется «Арбат, 94». Дело в том, что в Хайфе наши «олим¹» называют Арбатом улицу Нордау, я обыгрываю это.

Я и раньше писал и написал несколько неплохих вещей, но сейчас впервые написал ВЕЩЬ. Вещь, которую мне больно было писать и которую больно читать.

Глаголом жечь сердца людей!

Не хочу пересказывать. Она будет издана, я уверен, она обязана быть издана. И ее переведут (сам себя – не могу). И вы прочтете.

Вы подтолкнули меня написать стихи. Вернее, сама ситуация. Так или иначе, стихи по праву посвящены вам.

¹ Репатрианты (ивр.)

Вы уговариваете меня расстаться. Я посылаю вам стихи. Вы опять уговариваете. Я признаюсь вам в любви.

Наверное, в 2000-ом году люди редко признаются в любви. А уж по телефону!

Я рад. Я могу быть самим собой и не пытаться играть какую-то роль. Я могу говорить свободно.

Я приношу вам еще стихи. Поверьте, не ради саморекламы.

Как называется женщина, подталкивающая художника творить?

МУЗА!

Вы пытаетесь сбить меня с толку, пытаетесь заставить меня дать определение моей любви. А я просто почти постоянно думаю о вас. Не верите?

Шесть пятнадцать утра. Ключ – в зажигание, мотор заводится с пол-оборота, хорошая машина. Впереди – сто километров, полтора часа езды. И это очень приятно представить себе, милая В., что вы рядом.

Обратите внимание, моя дорогая. Мы находимся в районе Таанак. Таанак – это древняя крепость, ее развалины находятся вон на той горе на юге. В пятидесятых годах, когда эти места активно заселялись, по имени крепости называли весь район, в то время пограничный.

А вон на востоке – лесистая гора Гильбоа. Там погиб царь Шауль (Саул) со своими тремя сыновьями.

На северо-востоке – словно перевернутый котелок. Это гора Тавор (Фавор). Христиане утверждают, что именно здесь Иисус читал Нагорную проповедь. А точно на севере – гряда холмов, на них дома. Пригороды Нацрата (Назарета).

Того самого, библейского. Сам город не виден, он в долине за холмами.

Но хватит наслаждаться красотами, впереди длинный путь. Мы выворачиваем на Квиш г'а-Саргель. Квиш г'а-Саргель – Шоссе-Линейка: названо так за свою прямоту. Десять километров АБСОЛЮТНО прямого шоссе, из Афулы в Мегиддо.

Кстати, а название Мегиддо вам ничего не говорит? А г'ар Мегиддо, т. е. гора Мегиддо? Вон она, эта гора, справа, вон та, со срезанной верхушкой. Не слышали? А про Армагеддон слышали? Да? Так вот, Армагеддон – это искаженное на греческий лад г'ар Мегиддо. Смело можете писать друзьям, что видели Армагеддон.

Извините, но я на хорошем шоссе выжимаю сто двадцать километров в час, если, конечно, движение слабое. А оно пока что слабое.

Вперед! Переезжаем через невысокую гряду холмов и въезжаем... в Гвадалахару. Не верите? Сейчас объясню.

Если вы заглянете в атлас, то обнаружите две Гвадалахары – одну в Испании, другую в Мексике, но никак не здесь. Но если вы поинтересуетесь этимологией этого слова, то узнаете, что это искаженное арабское название Вади эль-Ара. Именно в ущелье с таким названием мы сейчас и въезжаем.

Да, место неприятное. Сплошной ислам, минарет на минарете, по левую руку – центр исламского движения город Умм-эль-Фахм. Тот самый случай, когда мой старый «парабеллум» приятно греет бок. Давайте лучше отвлечемся и послушаем музыку.

Вам не нравится Розенбаум? Помилуйте, почему-то большинство женщин из России не любят Розенбаума. А, например, вот это:

*Но зажгли бортовые огни,
Лучшей доли себе не желая,
Наши дочери,
Страны нашей дочери.*

.....
Ничего, что бомбежка – не женское дело.

.....
Девчата, вернитесь в срок.

Ведь это про вашу бабушку!
Вообще-то, я к Розенбауму не могу быть объективным. Рассказать почему?

Итак, восемьдесят второй год, мы входим в Ливан. Сейчас принято ругать ту войну. А я прекрасно помню, что граница горела, что в течение полутора лет перед войной всем было ясно: война будет, вопрос только когда.

Кстати, гражданское население в Ливане восприняло наше появление как само собой разумеющееся.

Короче, наша рота участвовала в боях за город Цидон (Сидон), в особенности в штурме пригорода Эйн-эль-Хильве. А меня и еще двоих назначили конвоировать грузовики.

В Израиле не тратят время на обучение должности часового, патрульного, конвойного. Бойца учат бою. Боец в охране – просто ждет, вдруг потребуется применить стандартные боевые навыки. В мирное время – скучища смертная. В боевой обстановке...

Днем мы не ездили из-за снайперов. Только в темноте. Приказ стрелять на поражение по всему, что движется вне колонны. Полная трехтонка: патроны, пулеметные ленты, гранаты (ручные, подствольные, наствольные, реактивные), мины, противотанковые ракеты. Вся эта куча накрыта брезентом, наверху сижу я – без бронежилета, на наш взвод

не хватило. Впрочем, ручные гранаты хорошо детонируют, и, если что, мы с шофером попадем в рай кратчайшим путем.

А пули свистят (кстати, на самом деле они, скорее, жужжат). И не только пули. В темноте не видно, где стреляют, отчего нервы на невиданном пределе. Ни птиц, ни кошек, ни собак – жить хотят. Мертвый город. А где-то вокруг – бой. А мой автомат ищет цель и не находит. Меня учили бою. Бой идет вокруг, но я в нем не участвую. Пуля в стволе напрасно ждет полета.

И так несколько ночей подряд мы доставляли боеприпасы на передовую. И это было страшнее, чем попасть под артобстрел (попадали не раз).

А через год, на очередных сборах, нас вдруг построили, и командир выдал каждому наградную планку за войну.

И вот я стою в стороне и смотрю на эту планку. Ко мне подошел командир:

– Ты чего?

– А мне-то за что? Что я делал – конвоировал грузовики.

Он так посмотрел на меня:

– Ты там был?

– Был.

– Ты сделал все, что тебе приказали?

– Сделал все.

– Тебе было страшно?

– Было.

– Но ты не струсил?

А у нас одного на второй день войны эвакуировали – в шоке.

– Не струсил.

– Ты заслужил, как все.

А еще через несколько лет я впервые услышал

Розенбаума – «Корабль конвоя»:

Почему «стоп машина», и я в дрейфе лежу?

Почему я не волен? Почему я в конвое?

Почему сам себе я не принадлежу?

.....

В море я за врагом не погнался ни разу,

И в жестоком бою не стоял до конца!

.....

И сказал командир: Ты – корабль конвоя.

Мы дошли – значит этим ты все доказал.

А пока я вспоминал Ливан (красивейшая страна, между прочим), мы уже выехали из Гвадалахары.

По правую руку – Пардес-Хана, потом по левую руку – Хадера. А прямо по курсу – Хадерская электростанция, из крупнейших в стране.

Эх, были времена! В свое время я долго работал в «Хеврат Хашмаль»² в Хайфе. В феврале 90-го года на первую очередь Хадерской электростанции поставили полностью компьютеризованную систему по управлению эксплуатацией. Поставщик клялся, что ничего налаживать не надо, все уже налажено. Естественно, двух месяцев не прошло, как раздались вопли на всю «Хеврат Хашмаль». Меня бросили на прорыв. В помощь дали только что поступившую к нам программистку.

В общем, все я переустановил по-новому, продублировал диски, помощницу (позднее она оказалась прожженной карьеристкой) загонял как лошадь. Сделал – конфетку. Потом я же ставил в Ашкелоне, в Хадере на второй очереди, и, по моим же образцам, позднее ставили везде, кроме Ашдода – там уже пошло новое поколение. Как

² «Электрическая компания» (ивр.)

это было здорово – делать нужное дело, делать его хорошо, учить других – и все сам, без сволочного начальства в Хайфе!

Выезжаем на прибрежное шоссе. Приходится сбросить скорость – движение плотнеет.

Давайте сменим кассету. Ставлю Офру Хаза.

Вы не слышали этого имени? Жаль.

Еще в конце семидесятых годов на каком-то телевизионном праздничном концерте я обратил внимание на неприметную йеменку с полным чистым голосом. А через несколько лет Офра Хаза заняла достойное место среди звезд первой величины израильской эстрады. Позднее она покорила и Европу.

Офру третируют коллеги, ее годами не допускали на телевидение, но великолепный голос прорывался по радио, на нее было больше всех заявок радиослушателей. А на концертах мгновенно забывалось, что этот сильный голос и эти огромные черные глаза принадлежат маленькой, почти миниатюрной, женщине.

А в марте сего года она умерла. Моя ровесница. От СПИДа.

В ближайшую субботу я попросил раввина помянуть ее. Он засомневался:

– Ведь ты же слышал, от чего она умерла.

– Слышал. Но меня это не касается. Сейчас она перед судом Господа. И Он решит то, что решит. Но сказано, что прежде Он выслушивает обвинителей и защитников. Я двадцать лет наслаждался ее пением! Я – защитник.

Ко мне присоединились еще несколько человек.

– Ты прав, – сказал раввин. И мы помолились за упокой души замечательной певицы Офры Хаза.

Будь проклят тот, кто ее убил!

А движение все плотнеет, и я вынужден уделять максимум внимания дороге. Так что давайте, теперь ваша очередь рассказывать.

Про ваш родной Ростов, про Дон. Я ведь их видел только из окна вагона.

Про несчастную Сербию.

Про себя, наконец. Про того, кто так больно и так жестоко вас ударил! С чьей тенью я борюсь?

Ну вот и все. Въезжаем во двор, еще один проезд, стоянка, место оплачено.

Запер машину, через переулок, первый этаж, дверной код, к своему столу, «Шалом, Бенджи» – соседу (отличный парень), карточку из ящика стола, отбить время – начинается новый рабочий день.

Сент-Экзюпери писал, что нет большей роскоши, чем роскошь человеческого общения. Так что вы мне подарили полтора часа роскоши. Жаль, что заочно. Но все равно – спасибо.

Я живу в поселке. Одно из преимуществ состоит в том, что из гостиной выход прямо на природу. Одна ступенька, и можно усестись под сенью звезд, больших и ясных, каких не увидишь в прибрежной дымке. Спокойно расслабиться, помечтать, подумать о вечном.

Милая, милая В.! Вы можете запретить мне говорить, вы можете меня прогнать, но вы не можете запретить мне мечтать. А писать – вы меня просто подстегиваете.

И вот я гляжу на звезды. И мечтаю. Что вы меня поцелуете. Сами. В губы. Легко и нежно.

Глупо с моей стороны? Дерзко? Но в этом мире так не хватает нежности.

Для вас, конечно, не секрет желание мужчин обладать женщинами. При этом в мужском сознании дети в лучшем случае отходят на второй план, в худшем – считаются опасностью.

А я – простите великодушно за дерзость! – хочу именно оплодотворить вас. Сделать вам ребенка. Девочку. И назвать ее – Эдна. Нежность на иврите.

Суббота. *Мусаф* – утренняя дополнительная молитва. Кантор – я.

Спасибо Бадулину из Ленинградского Дворца пионеров – поставил мне голос. Спасибо маме, многократно водившей в Кировский в оперу и заставлявшей учиться музыке.

Резкий глубокий вдох. Диафрагма – вниз. Связки натянуты. Мышцы живота – в работу. И «Шма, Израэль» с русским акцентом заполняет синагогу.

Господи!

Я грешен, но я не вижу пути.

Господи!

Ведь Ты же знаешь, что у меня семья не семья.

Господи!

Ты знаешь, как я одинок. Как я всю жизнь был одинок.

Господи!

Да, мне никогда не постичь великой драмы Твоего одиночества. Но Ты понимаешь мое.

Господи!

Ты нас сделал гремучей смесью плоти и духа! Ты нас сделал парными! Где моя половина?

Господи!

Или Ты уже показал мне ее? В прошлом? А я не узнал?

Господи!

Ты видишь, как я люблю эту женщину! Не может

быть, что напрасно!

Господи!

А если напрасно – излечи меня. Верни мне спокойствие.

Господи!

Благослови нас всех – детей моих, возлюбленную, жену. Выведи на дорогу.

Господи!

Сокрыт Твой лик, и смертному не увидеть его.

Господи!

□□□

Итак, вроде написал еще одну вещь. Небольшую. Надеюсь, художественную, хотя и очень личную.

Так что вы, моя любимая, влияете на меня очень плодотворно. Спасибо вам, моя Муза!

А поэтический импульс все время подсовывал мне Окуджаву – он так хорошо писал:

*Когда метель кричит, как зверь,
Протяжно и сердито,
Не запирайте вашу дверь,
Пусть будет дверь открыта.*

.....

*Пусть будет теплою стена
И мягкой скамейка.
Дверям закрытым – грош цена,
Замку цена – копейка.*

Не запирайте вашу дверь, моя дорогая В.! Пусть будет дверь открыта.

Да, в таком виде нечего и думать о публикации. Хотя – кто знает?

Человек предполагает, а Бог располагает. И если мы

(не дай Бог!) расстанемся, и если у меня перегорит (перегореть-то перегорит, но какой частью души придется пожертвовать), то через несколько лет Эйтан Адам вернется к этому тексту, заменит инициалы и имена, замаскирует события, и – кто знает – получится хороший рассказ.

И вообще – быть может, он стоит на пороге успеха. Большого успеха. И будут у него поклонники и поклонницы. Много поклонниц, всех калибров и мастей. Пальцем помани – и в гарем.

Еще месяц назад это казалось заманчивой перспективой. А сейчас? Да, они смогут ублажить плоть. Но дух останется одиноким. Страшно одиноким! Как почти что всю жизнь. Не привыкать.

Так что остаюсь возмутителем вашего спокойствия. И оставляю вам этот текст. Настоящий текст! Без самоцензуры, худшей из цензур!

Целую ручки.

Ваш Эйтан

Тель-Авив, 26 Элула 5760 г. (26.9.2000)

В кафе у моря

Виктории

Как пес, оставленный в квартире,
Сидит и караулит дверь,
Сидит поэт в пустынном мире,
В котором тесно от потерь.

Вокруг народ, и говор вьется,
Как в тыще мест, как тыщу лет.
А рядом шутит и смеется
Любимой женщины портрет.

Палящий день шального лета
Сменился бризом от зимы.

Вершат официанты слепо
Нерасторопные круги.

Она портретом оградилась,
А душу спрятала в тайник.
А у него слеза скатилась,
А он к глазам ее приник,
А он беззвучно к ней взывает...

Волна придет и скатит прочь.
В закате зодиак пылает.
Луна растет из ночи в ночь.

Реховот, 7 Нисана 5761 г. (31.3.2001)

Четыре заповеди

Идущим по дну бездны

Не верь, не бойся, не надейся.
Не верь, не бойся, не проси.
И на луну не голоси.
Коль надо – выпей, закуси,
Запей – но только не напейся.

Не верь плодам, не верь колосьям –
Они нитратами полны.
Не верь вождям, не верь посольствам –
Они всегда, везде лгуны.

Не верь восходу и закату
И счастьем падающих звезд.
Не верь петле, кинжалу, яду –
Тебя спасут себе в услужу,
Чтоб снова занял ты свой пост.

Не верь семье, жене, соседу.
Не верь словам, рукам, губам.

Не верь оплавленному сердцу
И собственным слепым глазам.

Не бойся пули и снаряда.
Не бойся мира и войны.
Не бойся рая или ада:
Они давным-давно – увы –
Тебе подобными полны.

Не бойся смерти в одночасье:
Конец и злобе, и любви.
Зло счастливо, любовь несчастна,
А в смерти мирятся враги.

Ты не надейся на общенье
С людьми любезными тебе.
Ты не надейся на прощенье –
Оно подвластно лишь судьбе.

Забудь про красоту и нежность –
Они растоптаны в пыли.
И не надейся на надежду,
Коль вера и любовь ушли.

Ты не ищи любви смятенья:
Любовь и лжет, и предаёт.
И не проси о вдохновенье –
Оно в страдании придёт.

Ты не проси годов преклонных
Не зная, что готовит рок:
Быть может, жизнь – сплошная зона,
В которой ты мотаешь срок.

Прошло двадцатое столетье
И научило нас блюсти:
НЕ ВЕРЬ!

НЕ БОЙСЯ!
НЕ НАДЕЙСЯ!
И НЕ ПРОСИ!

*Реховот, 23 Ияра 5761 г. (16.5.2001) –
Прага, ночь на 27 Ияра 5761 г. (20.5.2001)*

Золотой порог

Камиле

Пришла пора забыть о прахе
Надежд, обид – забыть про все
И краснотерепичной Праге³
Воздать за золото ее.

Как женщина на одеяле,
Она в садах своих лежит
И пенным золотом в бокале
Меня одаривать спешит.

Она лениво мне щебечет,
Она забыла счет веков,
И золотые искры мечет
Из-под трамвайных проводов.

Ее карнизы и колонны
Сверкают на моем пути,
Как золотые медальоны
Блестят у женщин на груди.

Дворцы на Граде и Градчанах –
Как будто сказка ожила.
И пляшет золото на гранях
У ваз богемского стекла.

³ «Прага» происходит от слова «порог».

Очарование наплыло.
И нас, попавших в чудный сад,
Ведет по золоту Камила⁴ –
Как мама тридцать лет назад⁵.

Забыв об устали и лени,
Услышав Света голоса,
Иду я по двумстам ступеням
На колокольню в небеса.

И в небесах над Малой Страной
Стою, оглохший и немой.
И я охвачен дрожью странной
Перед твоею красотой.

Оставив боли и тревоги,
Не зная, как тебя воспеть,
Стою на золотом пороге,
Не тщаь грядущее прозреть.

Реховот, 2-3 Сивана 5761 г. (23-24.5.2001)

Финал

Виктории

Когда мои мышцы закончат круг
Долгих тяжелых дней,
И книга вывалится из рук,
И я упаду за ней,
Отдав меня попеченью врачей
Прочтите строка за строкой
Слова, написанные моей
Когда-то сильной рукой.

⁴ Экскурсовод в Праге.

⁵ Моя мать была экскурсоводом в Ленинграде.

Когда мой мозг, совсем посерев
От серости бытия,
Даст лихорадочный перегрев
И память спалит дотла.
Из дальней коробки достаньте их, –
Я это за честь сочту, –
Слова, что нашли в нейронах моих
Форму свою и судьбу.

Когда мое сердце, устав нести
Десятикратный груз,
Просто захочет тихо уйти
От всех моих уз и муз,
Тогда сквозь очки, сигаретный дым, –
Пожалуйста, без слезы, –
Прочтите слова, что напеты моим
Сердцем полным любви.

В них стилия нет, и неярк слог,
Да и на талант дефицит,
Но верю я, что и мой листок,
Как рукопись, не сгорит.
И пусть коллеги меня затрут –
И пусть я сгорю дотла.
Но Ваши дети еще прочтут,
Какой их мама была.

Реховот, 8 Нисана 5762 г. (21.3.2002)

МАРИНА СИМКИНА

Стихи

КАК НЕ БЫЛ ДЕНЬ

Кот мяучит у ноги

Кот мяучит у ноги,
Мама в кухне месит тесто –
Не черствеют пироги,
И от речки веет детством.

Берег досками обшит...
Пахнет дегтем от ограды,
Мальчик в лодочке сидит,
На скамье – девчонка рядом.

Под веслом шуршит волна.
Он влюблен – совсем в другую,

Точно так же, как она –
Не по нем еще тоскует.

Завтра сможем во вчера
Оглянуться, оглядеться...
Уплывающее детство,
Ранней юности пора.

Едва проросшее зерно
Промолвило: «Живу давно!»
Как прав росточек в споре вечном
Меж неживым и быстротечным...

Игра

А я, как в мячик, рифмами играю...

Наталья Мурадова

Когда приходит зрелости пора,
Взрослеет с нами вместе и игра...

Когда мы знаем, что на свете живы
Не только для еды и для наживы
И с удивленьем ловит жадный взор
Тончайший жизнью вытканый узор,

Когда удачно брошенное слово,
Мы, словно мячик, подхватить готовы,
Отбить и вновь ответа ждать с утра –
Скажите, разве это не игра?

– Игра! И в ней совсем не мало прока.
Она позволит не стареть до срока.
Когда, устав, мы больше не играем,
Не выросли мы – просто умираем.

Все, что под луной не ново,
Для моей души – обнова.
Как малы, и этим жутки,
Нашей жизни промежутки!
Сколько радости и счастья
От ненастья до ненастья...

Жизнь бессовестно тесна...
Только вновь пришла весна!

Хочу жить медленно и делать мало.
Так медленно, чтоб мне не доставало
Ни времени на бесполезный взгляд,
Ни прав пустых на слово невпопад.

Что означает пожеланье жить успешно?
Давайте жить спокойно и неспешно.
А кто торопится, тому не до утех –
Он ощутить не успевает свой успех.

Что лень? – Альтернатива суеты...

Ю. Рапопорт

Что лень? – Альтернатива суеты...
Но суета сует себя во все, и ты
Обязан вписываться в суетливый день,
Поскольку даже отпираться лень.

Несутся дни по склону лет –
Лишь в спину крикнешь им: «Привет...»

Ты жаждал смысла? Брось попытки эти!
Проходит все. Но остаются дети.

Событий курс без нас проложат,
А нам лишь вывод подытожат.
Без нас – еды, любви, затей –
Никто не вырастит детей...

Грачи прилетели

Моим детям и внукам

Не живут грачи на моем плече,
Не пекут калачей у меня в шалаше.
Иногда, – чтобы их не забыть речей, –
Прилетят, принесут своих малышей.

Малыши – от горшка не видать вообще,
А галдят горячее, чем взрослый грач –
Замки строят из маленьких кирпичей
И огромный по полу возят мяч.

И грачат игра, и застольный грай –
Через край, через смысл, через лъзя понять.
И смешно к ладони ладонь близка,
Желтоклювого если хочу обнять.

Наталье Мурадовой

На зиму розы укрывать,
Чтоб их морозом не достало...
Как малыша – кладешь в кровать,
И подтыкаешь одеяло,
И тихо напеваешь что-то –
О, что за славная забота!
На зиму розы укрывать.

Вечер всегда застаёт врасплох

*И вопрошает вечер:
Уверен, что живешь по-человечьи?
Застал врасплох...*

Игорь Кинг

Вечер всегда застаёт врасплох,
Плох ты или хорош.
Рож насмехающихся переполох,
Полосы – правда, ложь.
Ложками черпай заката чай.
Чаешь – придет рассвет...
Свет – он отложит вопрос. Стачай
Часом дневным ответ.
Ведь на вопрос, есть ли в жизни прок,
Проще ответит день,
Где – ни минуты (довлеет срок)
Встряхивать дребедень.
Бденья и бед просвистит орда,
Даты не разберешь.
Брешь в обороне найдут всегда,
Как ты врага ни ждешь.

Коромысло

На два вместилища взираю не дыша:
Не гладок путь. Среди камней и бревен,
Неровен час, – и шаг свершишь неровен,
Все выплеснешь – и суть, и малыша.
А может, и не стоит выбирать
Одно из двух – меж Бытием и Смыслом, –
А научиться их соразмерять,
Обзаведясь простейшим коромыслом?

Доживите до травы

Мне бы эту зиму пережить...

Алексей Свердлов

Чем поможешь, чем растопишь этот лед? –
Лишь движением согласным головы...
Говорю всем: «Доживите до травы –
Проживете весь последующий год».
Где ж вы, травушки-муравки-зеленя?
Как душе моей разжаться из горсти?
Пробивайтесь, поспешайте прорасти –
Витамином и надеждой для меня.

Боль притупилась? – Видимо, стареет.
Устала тоже – ей бы на покой!
А мне – вперед, за мной – не заржавеет
На возраст и на боль махнуть рукой...

Что у жизни нет «потомы» –
Это просто аксиома...

Глагольное...

А пока что нужно выжить,
Все из этой жизни выжать –
Капли в горсти не зажать
Перед тем, как там лежать...

Точка с запятой

*Значит, жизнь дошла до точки,
Григорий Гозман*

В жизни много заморочек,
Что доводят нас до точек.
Но до точки невозврата
Нам еще далековато.
Снова точка? – Нет, постой:
Эта точка – с запятой.
Запятая, запятая.
Минус, рожица кривая...
Но душою не криви:
Жив – и ладошки, живи!

Жизни власть, и сласть, и малость...
Шла, бежала – понеслась.
Что за жалость! – Что осталось?
В мышцах чувствую усталость...
– Догоню! – кричу. Но – шалость?
Жизнь к щелке малой – шась!

Пускай пути мои бывали круты,
И груз нелегок на моем горбу –
Я все схвачу в последнюю минуту:
Сбежавший суп, автобус и судьбу.

Я шарик, все еще не сдутый

Я шарик, все еще не сдутый.
Покуда есть еще зачем парить,
И не пришла еще пока минута,
Чтоб порвалась натянутая нить.
Пока еще могу играть цветами,
Цедить лучи
 сквозь свой цветной объем...
Но лопнет нить,
 но связь порвется с вами –
И жалким лоскутком под облаками
Я пропаду веселым ярким днем.

Покуда ты со мной

Лист, тронут желтизной,
Как старца кашель, сух...
Покуда ты со мной,
Я вся – и взор, и слух.

Скупа листа ладонь:
Свой мир, свой миг хранит...
Неведомый огонь,
Продолжи наши дни –

До тех неясных пор,
До странной той черты,
Где бросить разговор
Решимся я и ты.

День устал

У экрана спать разлегся Макс –
На руке и на клавиатуре.
Он уже наставил много клякс –
В переписке и на редактуре.

Вместе редактируем журнал...
Кот урчит, и не достать до клавиш...
Что ж, похоже, даже день устал –
Так устал, что точку не поставишь.

Как не был день

Как не был день – случился и истек...
Им начались неделя, месяц новый,
повисший в небе тоненькой подковой –
и те проскочат быстро свой виток.

Опять промчался суток резвый конь,
а я опять успела слишком мало.
Черт, те же – только что глотала!
Таблетки – на ночь – сыплю на ладонь...

МАРК ШЕХТМАН

«Розовый единорог», или Рассказ о двух поэтах

Камей – драгоценные или полудрагоценные камни с рельефным изображением людей и животных – всегда восхищали меня. Лучшие из них настолько совершенны и уникальны, что им дают имена, как людям или ураганам. Одну из таких камей я видел в начале 80-х годов прошлого века в Переделкине. Ее хозяйка, известнейшая переводчица, на даче которой я гостил, рассказала мне историю, которую я здесь привожу, не называя из соображений такта имен ее действующих лиц.

Много десятилетий назад в развалинах церкви – а церкви после революции тысячами разрушали по всей России – молодой комсомолец нашел желтовато-розовый

камешек с изображением единорога. Этот камешек он подарил своей возлюбленной, юной, но уже печатавшейся поэтессе. Полюбовавшись на мифического зверя, она сунула камешек в какую-то шкатулку и надолго о нем забыла. Шкатулка со всем ее содержимым, впрочем, сохранилась, и уже после войны другой поклонник красавицы поэтессы, художник и по совместительству недурной ювелир, сказал, что камеей стоит заняться. За пару недель он сделал неплохую золотую оправу с цепочкой, и камешек стала медальоном. Будучи под стать своей хозяйке, она удостоивалась внимания друзей дома и комплиментов зверю-единорогу в золотой рамке. Спустя еще лет пять-шесть поэтесса, известная также как переводчица немецкой и скандинавской поэзии, вышла замуж – не впервые, но окончательно, по ее выражению.

«Окончательным мужем» стал человек сильный, красивый и талантливый, десять лет отсидевший в сталинских лагерях, научившийся там чифирить, пить все, что горит, драться, говорить на классической фене, – и тоже поэт. Удивительно, но лагерь его не сломал. Выйдя на свободу, вчистую амнистированный, он вдруг начал писать много и хорошо, не боялся ни бога, ни черта, ни КГБ и верил, что XX съезд партии – это действительно великий перелом в жизни его страны. Его стихами зачитывалась молодежь, а зачинатели бардовской песни перенимали его интонации. По странной прихоти судьбы он был вознесен советской пропагандой. Его даже сделали значимой персоной в руководстве Союза советских писателей, но приручить так и не смогли. В конце 50-х годов он был назначен главой советской творческой делегации в Австрию, но вдруг заартачился и заявил, что поедет только с женой. Власти поморщились, но согласились, поскольку руководство группы уже было согласовано по всем каналам, в том числе,

и по внешним. Ее даже включили в состав делегации, тем более, что немецкий она знала в совершенстве...

Отговорив положенное количество часов и речей в дискуссиях с западными коллегами, посетив должное количество проф– и партсобраний австрийских товарищей по классу, члены делегации получили наконец пару дней для прогулок по Вене в приватном, так сказать, порядке. Честно поделив время между магазинами белья и платья, куда хотелось нашей героине, и пивными, куда неудержимо влекло ее руководящего мужа, супруги однажды попали в квартал дорогих ювелирных лавок, чьи витрины сверкали и переливались такими блесками и красотами, что даже летнее венское солнце не могло затмить сияния этой пуленепробиваемой Голконды! Однако наша героиня вычитывала в витринах такие цены, от которых хотелось убежать быстрее и дальше! Тем более, что муж уже давно просился в пивной бар...

В этот самый момент из зеркальной двери ближайшего магазина выглянул маленький, толстенький человечек, и именно у него она спросила, как пройти к пабу. Человечек услужливо открыл рот – и окаменел, почти ощутимо сфокусировав свои светлые и выпуклые глазки на медальоне с единорогом, который поэтесса лишь сегодня – впервые в поездке! – надела, считая его слишком легкомысленным для официальных встреч. Мужу эта немая сцена быстро надоела.

– Кажется, у него начался перерыв, – вполне логично предположил он, – пошли, сами найдем.

И они повернулись и пошли вдоль сияющих витрин. Но толстячок вдруг разокаменел, снялся с места и со странным клекотом погнался за парой советских творческих работников. За секунду он догнал их и чуть ли не на коленях начал умолять зайти в его магазин «для частных

переговоров», как она перевела супругу, не знавшему немецкого языка. При этом ей вспомнились предостерегающие наставления остерегаться провокаций, и своими тревогами она поделилась с мужем. На него это подействовало самым странным образом:

– Провокации? – гаркнул он, и глаза его загорелись дьявольскими огоньками. – Я им покажу провокации! Пойдем! – и он решительно направился к двери, которую толстячок оставил открытой.

Предполагаемые враждебные действия классового врага продолжились мягкими креслами в прохладной глубине магазина, а сам хозяин, уже тщательно заперев дверь, с извинениями исчез на пару минут. Появился он из капиталистических недр своего заведения, держа в руках черную бархатную коробочку, потом торжественно открыл ее – и в глаза советским пролетариям пера полыхнул фантастической красоты бриллиант! После этого толстенький австриец встал в гордую позу и произнес речь, которую жена дословно перевела мужу. Смысл ее сводился к следующему:

– Торговая фирма, которую я имею честь возглавлять уже в десятом поколении, известна в Австрии и во всей Европе почти полтора века. Дорожа нашей репутацией, мы никогда не позволяли себе обманывать доверие клиентов и вступать в любые нечестные или незаконные сделки. Поэтому бриллиант, который я предлагаю достойной фразе в обмен, и ее камья абсолютно равны по стоимости. Этот южноафриканский бриллиант занесен в мировые каталоги под номером таким-то..., его цена на сегодняшний день равна – тут он произнес баснословную цифру в долларах, тут же перевел ее в фунты, марки, франки и австрийские шиллинги, отчего эта баснословность еще больше увеличилась, – и эта цена полностью соответствует тому

сокровищу, которое достойная фрау имеет носить на своей...
э-э-э... фигуре!

Закончив выступление, австриец положил на столик перед нашей парой черную коробочку с бриллиантом и тихо отступил за конторку, как бы давая время для размышления и принятия решений.

...Она взяла бриллиант и почувствовала, что на глаза наворачиваются слезы. Но муж понял ее состояние и в свойственном ему простом и решительном стиле сразу пресек все будущие разговоры:

– И не мечтай! Потом на таможне не отмажемся. Они же спросят, где ты так крупно подработала, чтоб такое покупать. И что ответишь? На панели, что ли? Или кайлом вместе со здешними шахтерами?! Они тут, конечно, хорошо получают, но не настолько же! Так что переведи ему: товарищи из СССР уважают мастерство своих народных умельцев и на иностранные алмазы, добытые потогонным трудом африканских негров, его не променяют! И, вообще, пошли отсюда, потому что пива хочется...

Она исправно перевела. Австриец дрогнул лицом, но выдержку сохранил. Вышел из-за конторки, приблизился... Незаметно исчезла коробочка с бриллиантом, которую она положила на столик. Да-да, – негромко заговорил австриец, – он понимает советских гостей... Он все понимает... При их реж..., простите, строе, увы, не рекомендуются вступать в деловые и торговые отношения без одобрения властей. Он просит прощения за свой порыв, но тому есть оправдания! Он – один из немногих в мире специалистов по камням эпохи Ренессанса. Его публикации в этой области признаны в узком профессиональном кругу! И пусть еще раз простят уважаемые герр и фрау, чьей фамилии он не имеет чести знать, но в одном они ошибаются: к созданию камеи, о которой идет речь, русские умельцы отношения не имеют.

Эта камея изготовлена в 16-м веке, предположительно, в Италии; предположительно, в Мантуе; предположительно, гениальным Чезаре Спадавеккиа; предположительно, в 64 году вышеуказанного столетия, ибо только тогда гениальный ювелир работал со звездчатыми желто-розовыми топазами, которые мантуанские купцы поставили ему из Южной Индии, к сожалению, в крайне малом количестве. Всего в тот период в мастерской Чезаре Спадавеккиа изготовлено 12 камей. Из них только 3 сделаны им собственноручно. Остальные – учениками, но под его руководством и по его эскизам. Из этих трех лишь одна камея изображала не традиционные профили в античном стиле, а мифического единорога. Для этого мастер употребил уникальный кристалл трехслойного звездчатого топаза, отчего фигура единорога выделяется на сером фоне, его грива и хвост отсвечивают желтым цветом, свойственным второму слою кристалла, а собственно единорог уже темнорозов... Вплоть до начала 19-го века история «Розового единорога» – под этим именем камея вошла во все каталоги – прослежена абсолютно точно. Сначала им владел род герцогов Эскабарриа, потом один из восточных шейхов, потом английский банкирский дом...

Толстенький австриец с упоением жонглировал веками и аристократами. Она едва успевала переводить мужу этот поток названий, имен и цифр. А тот все крутил головой в желании вставить слово, и наконец это ему удалось:

– Неужели же русские умельцы не имеют к этому шедеврy никакого отношения? – с вызовом в голосе спросил он.

И тут австриец не выдержал. С иронией, спрятанной в объективность и подчеркнутое спокойствие, он ответил:

– Имеют. Конечно же, имеют. Предполагается, что именно русские умельцы, находясь в Париже в 1814 году в составе оккупационного корпуса, вывезли «Розового единорога» в Россию. Насколько известно, в законные деловые отношения с тогдашним владельцем камеи русские умельцы не вступали. На этом задокументированная история великого изделия прерывается, и сейчас я счастлив, что русские умельцы не оборвали ее окончательно.

Поэт побагровел. Он понял, какую пощечину получил, и понял, что сам на нее напросился. И еще он понял, что за полторы недели этого долбаного визита, которым ему было поручено руководить, рекомендованные свыше партийные формулы так въелись в его мозги, что он и сейчас, когда в них нет никакой нужды, мыслит этими формулами и штампами и потому так нестерпимо фальшивит в этой, в общем-то, по-человечески интересной ситуации.

– Переведи ему, – сказал он жене, – что мы весьма благодарны за содержательную беседу.

Он встал и протянул австрийцу узкую аристократическую ладонь, ногти на пальцах которой были изуродованы на лесоповале и в лагерных драках. И маленький толстенький австриец подал ему свою маленькую толстенькую ручку, и ногти на ней были тоже слоистыми и неровными, а на безымянном пальце не хватало фаланги. Две ладони встретились и разошлись. Австриец понял взгляд русского, которым тот провожал его руку, криво усмехнулся и сказал:

– Пусть уважаемая фрау переведет мужу, что владельцы ювелирных фирм, имевшие неосторожность открыто выражать свое несогласие с аншлюсом и нацистским режимом, исправляли потом эту неосторожность в каменоломнях...

Она перевела. И тут муж явил всю широту и непредсказуемость русской души. Он повернулся к ней и прошипел:

– Да отдай ты ему эту чертову камею! Ты без нее, что ли, не проживешь? А у него от камушка крыша едет... Ты ж на нее декларацию не заполняла – как жена руководителя делегации? Ведь нет?

Она сняла камею, протянула ее австрийцу и сказала, что они с мужем просят принять «Розового единорога» на память о встрече. И ей было совершенно не жаль камей. А еще в этот момент она простила мужу все грехи, какие узнала за ним за годы их брака.

Австриец жалобно улыбнулся и залопотал – она едва понимала это тихое лопотанье, – что никогда... что он восхищен... что он только сфотографирует... что это неоценимый вклад... а пока кофе, господа...

Они пили кофе, а австриец при свете трех мощных бестеневых ламп фотографировал «Единорога», уложенного на черный бархат. Он хищно прыгал вокруг него, прицеливаясь здоровенной камерой, покрасневший и счастливый, а закончив, быстро и точно вдел в ушко золотую цепочку, положил камею в невесть откуда взявшуюся перламутровую коробочку и с поклоном подал поэтессе. Она машинально положила ее в сумочку, а австриец исчез и вернулся с красивым глянцевым буклетом, название которого было вытиснено на обложке.

– Я прошу господ принять экземпляр этого журнала, где напечатана моя статья о французских камнях, изготовленных во времена царствования Людовика XIV, – сказал он, потом поискал в журнале нужную страницу и рукой с изуродованными ногтями и пальцем без фаланги что-то написал по-немецки неожиданно красивым и плавным почерком. Он протянул журнал жене, но муж

перехватил буклет, долго вглядывался в надпись, а потом поднял голову:

– А почему не написано, кому он это подарил? Где наша фамилия?

Австриец и без перевода понял вопрос, хотя по немецки слово «фамилия» обозначает не совсем то же, что по-русски. Он виновато и жалко улыбнулся, а русский поэт снова побагровел. Они поняли друг друга. Австриец счел, что для русского будет небезопасно, если власти узнают о его непонятных контактах на Западе, – и потому лучше не спрашивать его фамилию, которую он не захочет открыть. А русский понял, что австриец не желает узнавать его фамилию, чтобы не создавать ему лишних проблем, – и это австриец тоже понял. И тем более он удивился, когда русский вытащил из кармана пиджака небольшую книжку, на обложке которой была его фотография, раскрыл ее и, что-то написав на титульном листе, протянул ему. При этом русский отчеркнул ногтем фамилию автора – свою фамилию, – напечатанную красивой вязью, и вдобавок громко и отчетливо ее произнес. При этом он протянул австрийцу еще и журнал. Австриец взял и то, и другое, потом снова нашел в журнале страницу со своей статьей и, сверяясь с малознакомыми буквами кириллицы, дополнил дарственную надпись. И они ушли.

Уже в гостинице она спросила, что он написал австрийцу на сборнике стихов.

– Да обыкновенно написал... Что от всей души австрийскому другу... – Буркнул он и, поняв, что не стоит врать, сказал правду. – Написал, что камеи прочны и красивы, но люди тверже и красивее...

А когда она достала «Розового единорога» из перламутровой коробочки, то ахнула: вместо прежней цепочки, которая, впрочем, лежала тут же, в ушко оправы

была вде́та другая – тоже золотая, но переливающаяся розовыми и желтыми самоцветами, наверное, топазами. А еще через полгода на их московский адрес пришла бандероль из Австрии, серая плотная бумага которой скрывала в себе журнал с уже знакомым глянцевым тиснением. Они не удивились, когда нашли в журнале статью, подписанную фамилией с обилием шипящих звуков и с дарственной, сделанной тем же красивым плавным почерком. В статье об итальянских камнях 15-16 веков среди прочего говорилось, что считавшаяся утерянной знаменитая камень «Розовый единорог» работы Чезаре Спадавеккиа – фотографии прилагались! – по новым данным находится в России в одной из частных коллекций. Фамилия коллекционера, впрочем, не указывалась.

Я спросил хозяйку дачи, не было ли у них неприятностей из-за новой цепочки. Она усмехнулась:

– Да мы и не проходили через таможню, а шли как большие шишки через зал для делегаций. А год спустя искусствоведы в штатском откуда-то вызнали, что у нас есть эта камень, и мужа вызвали – почему-то в московский горком! – и спросили, не пора ли передать камень в Эрмитаж или Грановитую палату...

– И что он ответил? – поинтересовался я, заранее предвкушая удовольствие от той плюхи, которую получил горкомовский чинуша.

– А он не ответил! Он спросил: а что, секретарским женам уже нечего цеплять на посольских балах?! Покривились и отстали. Так что камень у меня. Потом невестке отдам!

– А мне можно увидеть «Розового единорога»? – спросил я. – Ну хоть на минуточку!...

После всего рассказанного хозяйкой дачи казалось невероятным, что где-то здесь живет это топазовое чудо,

прошедшее через века и через жизни многих известных или простых людей. Я был готов к тому, что хозяйка откажет мне в силу каких-то чрезвычайных или, наоборот, самых простых обстоятельств. Ну, например, что камья ненадолго одолжена невестке. Или что «Розовый единорог» уехал на выставку в Мексику или в Японию. Но хозяйка просто ответила: – А почему нет? Конечно можно! Хоть сейчас! – и я понял: невероятное иногда сбывается...

Мы прошли через несколько комнат и попали в помещение, где были собраны самые невероятные вещи. Тут были слоновые бивни и моржовые клыки, изукрашенные прихотливой резьбой, ножи и сабли самых разных форм и стилей, керамические блюда с восточной спецификой, хрустальные и серебряные кубки и чаши – все те приношения, которые получил когда-то в зените своей поэтической славы ее муж-поэт, давно уже отошедший в лучший мир. Тут же на полках стояли его книги и книги, подаренные ему, причем на самых разных языках. От имен тех, кто презентовал ему свои книги, у меня закружилась голова! Маленький мемориальный музей – подумалось мне, – хотя в нем явно не хватает экспонатов лагерного периода... И наконец хозяйка подвела меня к стоящему в углу комнаты здоровенному сейфу, впрочем, вполне обыкновенного конторского вида. Выудив откуда-то кривоватый ключище, она с натугой повернула его, пошарила в глубине – и на свет явилась перламутровая коробочка – именно такая, какой я себе ее и представлял! Небрежно и привычно хозяйка открыла ее – и с шуршанием вызеилась, сверкая в лучах сильной лампы, золотая цепочка, вся в желтых и розовых блестках. Затем явилась и камья. Хозяйка держала ее на весу, и розовый единорог, тряся гривой медового цвета, искоса, но пристально и чуть угрожающе, смотрел на меня... Он был вдвое меньше моего мизинца, но в нем

чувствовались таинственность и величие. Потом хозяйка убрала его в коробочку, коробочка спряталась в сейф, и кривой ключ снова проскрипел своими бороздками. Мы повернулись, чтобы уйти, и тут я вспомнил то, о чем все время хотел спросить:

– А что написал тогда, в Вене, в первом журнале австриец?

– Вы молодец! Угодили в точку! – с удивлением и даже, пожалуй, с уважением сказала хозяйка. – Муж даже не поверил, когда я перевела ему...

Она сняла с ближней полки пыльный и потрепанный журнал, и он привычно открылся на нужной странице. Хозяйка прочла вслух и тут же перевела недлинную фразу: «Глубокоуважаемым гостям из России, господам С...вым! Я всю жизнь занимался камеями и в конце концов понял, что люди лучше и красивее...»

Я ахнул:

– Но они же не могли списать друг у друга! Они ведь друг друга даже не понимали! Но почти слово в слово... Как так?...

– Значит, понимали. Поэт всегда понимает другого поэта, – задумчиво сказала хозяйка, и мы вышли из комнаты, где жил «Розовый единорог».

16.09.2000 г.

ХАНОХ ДАШЕВСКИЙ

СТИХИ ИЗ РОМАНА «РОГ МЕССИИ»

М. Д.

Не верь, что приближается закат,
Что время угасанья наступило.
Еще душа хранит и не забыла
Весенних лилий пряный аромат.

Не затуманят сумерки твой взгляд,
Минута расставанья не пробила,
Пока еще лазурные светила
В твоих глазах оливковых горят.

И в час, когда луна кровоточит
И, словно задыхаясь от надрыва,
Безмолвно из-за облака кричит,

Пусть в сердце у меня без перерыва
Твоя живая музыка звучит
Сильнее океанского прилива.

Когда мерцает желтый лик луны
И распускает ночь над миром крылья,
Когда сияньем небеса полны
От звездного ночного изобилья,
Прильни ко мне в молчании Земли
И обними, как только ты умеешь!
Какие горы высятся вдали,
К которым ты приблизиться не смеешь?
Какая непонятная тоска
Тебя насквозь, как лезвие, пронзила?
Вот на твоём плече моя рука –
Ее не сбросит никакая сила.
А над тобою – свет высоких звезд
И лунный диск, таинственно манящий.
Любовь моя, взойди на тонкий мост,
В неведомую бездну уходящий!

Нет ничего печальнее любви,
Когда она приходит слишком поздно.
Забудь меня и, как цветок, живи:
С луной играй под крышей неба звездной.
А я уйду. И унесу с собой
Твои глаза в предутреннем тумане.
И будет этот сумрак голубой
Напоминать о незакрытой ране.
Сойдутся дождевые облака,
И в день ненастья, в грустный день осенний

Увижу я тебя издалека,
Но не смогу обнять твои колени.

Покажи мне мираж на границе песков,
Покажи очертания сказочных гор,
Чьи вершины парят в небесах без опор
И несут синеватый туман облаков.

Там, где ровный и тихий колеблется свет,
Настоящее гаснет и прошлого нет, –
Там пространство мечты, там иные миры
Открываются в тайне волшебной игры.

Там порог, за которым – глубины глубин,
Но войти в эти двери не может любой –
В золотое сияние звездных долин,
В голубой океан, где не слышен прибой.

Там, как тайна из тайн, на мерцающем дне
Притаилась янтарною каплей слеза,
И над вечным простором, в алмазном окне,
Изумруды горят, и цветет бирюза.

Это чудо чудес – твой единственный взгляд,
Где восходит рассвет и не виден закат,
Где струится вино из серебряных чаш...
Это мир, где становится явью мираж!

Мне не расстаться никогда с тобой!
Любимая! Твои глаза – как море.
В них отраженье солнца, в них прибой
И оправданье – даже в приговоре.
Ночами ты являешься ко мне,

И будет век мой долог или краток,
Я сохраню в сердечной глубине
Твоей любви незримый отпечаток.
И эти косы, цвета янтаря,
Пушай на плечи падают волною...
За все, за все судьбу благодаря –
Благодарю, что ты была со мною!

Настанет утро, и взойдет звезда
Над лесом, где безмолвие царит,
И все пространство инея и льда
Она мерцаньем тусклым озарит.
И побредет унылая толпа,
Скользя по снегу из последних сил,
И встанет там, бессильна и слепа,
Где ангел смерти крылья распустил.
И раздеваться будут, словно в зной,
И обрести наследный свой удел
Они пойдут, сверкая белизной
Еще живых, еще дрожащих тел.
И после них не запоеет певец
Пернатый в этом проклятом лесу,
И если солнце выйдет наконец –
То лишь собрать кровавую росу.
Ребенок, мать за руку теребя,
Через секунду с нею рухнет в ров.
Любовь моя! Сегодня и тебя
Я вижу на развалинах миров.
Я вижу, как идешь по снегу ты,
Далекая и чуждая всему,

И прижимаешь мертвые цветы
К еще живому сердцу своему.

Я не могу помочь тебе никак,
Не перейду невидимый порог.
Один, всего один неверный шаг –
И бездна раскрывается у ног.

И ты уходишь. Время истекло.
Мы ничего не можем изменить.
Ведь прошлое разбито, как стекло,
И не связать разорванную нить.

Проснутся сосны в утренней смоле,
Появится и не исчезнет свет –
И только брызги крови на земле
Останутся, как брошенный букет!

Любимая! Я увидел тебя
не в тот последний день, когда кровавый
вас гнал топор, кромсая и рубя,
и удобряя вашей кровью травы.
Не в те часы, когда могильный лед
в своих объятьях стиснул купол звездный
и каменный застывший небосвод
обрушился на сгорбленные сосны.
Не в пору торжествующего зла,
когда по хляби тающего снега
одежды ваши в город повезла
скрипучая и шаткая телега.
Чтобы раздать их семьям, чьи отцы
ловили вас, как ловят зайцев сетью,
и красные печатали рубцы
на голом теле кожаную плетью.

Которою измученных секли,
пока от вас остались только тени...
Почувствуй, как тепло твоей земли
ласкает загорелые колени!
Открой глаза, чтоб увидеть холмы,
и лилии в долине, и оливу.
Любовь моя! Сейчас с тобою мы
на пляж сойдем к вечернему приливу.
Какой покой, какая нега тут!
Лишь рокот моря слышен монотонный.
Сюда твои убийцы не придут –
на их пути скалистые заслоны.
Дорогу эту им не одолеть,
обречены враги твои отныне.
Железо гор поглотит их, и медь,
и черный смерч, и демоны пустыни.
Твой облик тает. Нет! Не уходи!
Давай продлим счастливое мгновенье!
Увидим благодатные дожди,
услышим горлиц радостное пенье.
И этот мир волшебный я отдам
тебе одной, тебе – моей невесте...
Ты не со мною. Ты сегодня там,
где наша кровь течет и жаждет мести.

Любимая, поверь, я не простил
Себя, прикрывшись мудростью лукавой,
За то, что твою руку отпустил,
И ты ушла дорогою кровавой.

Давно умолкли птичьи голоса,
Уже давно сады отзеленели,

И зимним льдом сковало небеса,
И, словно в бурю, закачались ели.

На снег ступала ты как на траву,
И только слезы падали, не тая,
Когда в свой час к раскрывшемуся рву
Ты подошла, нагая и святая.

Слова молитвы бормотал старик,
Ребенок прижимал к себе игрушку,
И вышел из глубин сознания крик
И оглушил притихшую опушку.

В то утро, обнаженных леденя,
Здесь стужа беспощадная царила,
И скрылось от людей светило дня
И никого лучом не озарило.

Как будто бы, скрываясь, берегло
В небесных, недоступных взору схранах
Оно лишь для живых свое тепло
И обласкать не смело обреченных.

Твоя звезда, как гаснущий алмаз,
В последний раз на небе промелькнула,
Ты ощутила холод волчьих глаз
И на тебя направленное дуло.

Не покачнулось небо в этот миг,
Земля свой путь во тьме не изменила,
Была одна не прятанная лик,
Раскрывшая объятия могила.

Прости меня, прости за то, что мы
С тобой в разлуке, золотая пава!
Пускай тебя укроет от зимы
Твоих волос пылающая лава!

Пускай тебя нежнейшей из перин
Окутает волшебная завеса
И по одной из сказочных тропин
Тебя к спасенью выведет из леса!

И бесконечно синий небосвод
Мир, полный света, пусть тебе откроет!..
Ты ждешь удара. Стынет пулемет,
И под сосною кто-то яму роет.

Когда ворота открывает ад,
Как на костры горящие взглянуть,
Как превратиться в птиц и упорхнуть,
Когда закрыты все пути назад?

Когда, как тени, стражники стоят,
Чтоб нам с дороги смерти не свернуть,
И даже искре малой не блеснуть,
И только кости мертвые хрустят.

Мелькнет ли в ту минуту на пути
Волшебная серебряная нить,
Чтобы за нею в сумерках идти?

Или вовеки суждено нам гнить,
Сердца ногтями черными скрести
И в норах змей невидимых дразнить?

Я раньше не писал тебе стихов,
Моя любовь, мой друг, моя опора!
Как лунный свет, твое мерцанье зора
Не возносил до самых облаков.

Но вот, освобождаясь от оков,
Морями разливаются озера.
Под яростью весеннего напора
Выходят воды рек из берегов.

И я свои стихи тебе несу,
Как гроздь распустившейся сирени,
Как на заре медовую росу.

А прошлой жизни скользкие ступени
Останутся за мною – и в лесу
Клубящиеся сумрачные тени.

Тебя я больше никогда
Не встречу на тропе земной.
Приду сквозь заросли туда,
Где с прахом смешан перегной.

Приду туда, где тусклый свет
Нагие ветви леденит,
Туда, где твой остался след,
И виден сердцу, и манит.

Туда, где к яме босиком
Ты побрела под свист плетей
И там легла на скользкий ком
Кровавой плоти и костей.

Приду к порогу твоему,
Но не найду тебя живой,
И не тебя я обниму,
А холм могильный над тобой.

Прости меня! Я опоздал!
Во сне увидев груды тел,

Я содрогнулся, но не встал,
Не устремился в твой удел.

Не побежал, чтобы спасти
Тебя из гибельных теснин,
Чтобы в садах своих цвести
Могла ты, лилия долин!

Когда нацелилась в упор
Непроницаемая мгла
И ангел смерти распростер
Свои тяжелые крыла.

И ты увидела обрыв,
И в грудь твою вошла игла –
В тот миг я оставался жив,
И кровь моя не потекла.

Еще я слышу голос твой,
Заплетена твоя коса,
А ты под сорною травой
Глядишь в сырые небеса.

В краю тумана и дождя
Встречаешь серую зарю...
И я, на холм к тебе придя,
Молитву тихо говорю.

Ищу тебя, моя звезда,
Зову тебя, как прежде звал,
Целую в губы, как тогда
Тебя впервые целовал.

И мой неискупимый грех
Стучит, как молот, по виску
И раздувает, словно мех,
Неодолимую тоску.

Когда раскаянье свое
Душа стремится побороть,
Ночных кошмаров острие
Чудовища вонзают в плоть.

Химеры мрака из глубин
Великой бездны восстают,
И черный ангел-исполин
Над спящим совершает суд.

Уходит утром в мир теней
И возвращается опять.
Меня до окончания дней
Не перестанет он терзать.

Склоняться будет надо мной
И, время повернув назад,
Покажет снова облик твой
И полный ожидания взгляд.

Как будто не было тех лет,
Что разлучили нас с тобой...
Очерчен в море лунный след,
Рокочет медленный прибой.

Ты говоришь, но я молчу,
А ночь тревогою полна,
И в поминальную свечу
Вдруг превращается луна.

В твоих глазах – печаль и крик,
Но я как каменный стою,
Своим молчаньем в этот миг
Тебя другому отдаю.

Ты исчезаешь с ним во мгле,
И я не знаю, что один
Молиться буду на земле,
Тоскуя у твоих руин.

Судите, братья и друзья!
Суди любой, не прекословь,
За то, что от страданий я
Не уберег свою любовь!

Между сиянием и тьмой
Границу дал ей перейти.
Не стал той ночью голос мой
Преградой на ее пути.

Не убеждал, не умолял,
Не обнимал ее колен.
Она от итальянских скал
Ушла в небытие и тлен.

Оставлю все! Покину дом!
И, плача и скорбя по ней,
С виной своею, как с клеймом,
Пойду бродить среди людей.

И ни в ночи, ни в свете дня
Себе приюта не найду.
И камень, брошенный в меня,
Своей рукой не отведу!

Как покрывало, опустилась мгла
И золото заката погасила.
Я знаю, почему она ушла,
Какая овладела ею сила.

Я все еще блуждаю вместе с ней
По закоулкам памяти, и ночи
Унылые становятся длинней,
А дни мои бесцветные – короче.

Ее шаги я слышу, но везде
За нею только кровь и клубы дыма.
Подобно погибающей звезде
Она метнулась вниз неудержимо.

Вся в пламени летела, и когда
Она в полете встретила с землею,
Погасла одинокая звезда,
Оставив отраженье голубое.

Прохожие опомнились и круг
Над ней сомкнули, с состраданьем глядя.
И тишину не потревожил звук,
И легкие не шевельнулись пряди.

Так могут только юные сердца,
Рожденные для мужества и мщенья,
Идти вперед до самого конца
Дорогою бессмертья и забвенья.

И не остановиться, не свернуть,
Не уронить простреленное знамя...
Да будет он прославлен, этот путь,
Мощенный безмянными телами!

За то, что на последнем рубеже,
Где ночь сменить готовится зарница,
В одном обличье и в одной душе
С голубкою соединилась львица!

О, темнота, скрывающая день,
В тоске склоняюсь к твоему подножью!
Растоптана измятая сирень,
И ящеры ползут по бездорожью.

Под маскою безжизненной луны
Раскинулись кровавые погостья,
А в небесах, пусты и холодны,
Мерцают звезд опаловые гроздья.

Не будет больше радостных вестей,
Не будет свадеб и не будет песен.
Стал целый мир долиною костей,
Где образ смерти бродит, бестелесен.

Из ямы не восстанет ни один,
Не вытащит из липкой грязи ногу,
И только вопль из сумрачных глубин
Достигнет слуха, поднимаясь к Богу.

Вопьется в сердце, и сведет с ума,
И ужасом оденет, как покровом,
И будет долгой в этом месте тьма,
И лишь она на зов ответит зовом.

И только в день, когда настанет срок,
Когда Земля свой гиблый путь изменит,
Свершится то, о чем сказал пророк,
И эти кости снова плоть оденет.

Тогда вернуться наши братья к нам,
В свой древний край, навеки возрожденный,
К садам цветущим, к вспаханым полям,
К святой Горе, увенчанной короной.

И ты придешь туда, где я живу,
Где беспрестанно о тебе тоскую,
И я, тебя увидев наяву,
Твои босые ноги поцелую.

В тот день, когда померк твой взгляд,
Над потускневшим морем встал
Тревожный, скомканный закат
И солнце сплющил, как овал.

И я за сумрачной стеной
Не видел полосу зари.
И ночь стелилась надо мной,
Не зажигая фонари.

И о тебе ни слова мне
Латунный месяц не принес,
А сам в межзвездной глубине
Он только ширился и рос.

Я думал – ты ушла туда,
Где запах поля, запах трав.
Не знал я, что стряслась беда,
Сосуды жизни разорвав.

Как будто сотни колесниц
Остановились на бегу.
И капли слез из-под ресниц
Расплылись кровью на снегу.

И ты в преддверии могил
Ловила взглядом оком,
Но отблеск смерти заклеил
Его железом и огнем.

Не оживут букеты роз,
Не обратится время вспять,
И окровавленных волос
Не загорится снова прядь.

И этих стройных белых ног,
Которых легче в мире нет,
На суете земных дорог
Не отпечатается след.

И только свет прошедших дней
Мерцать, как дальняя звезда,
Останется в душе моей
И не погаснет никогда.

Что найти мы хотим, устремясь к зазеркалью
И неведомых сфер слыша праздничный зов?
Грустный вечер восходит над нашей печалью
Золотистой россыпью дальних миров.

Для чего? Разве мы не отправимся скоро,
Не уйдем, в золотом оперенье, туда,
Где опаловым блеском сверкают озера,
А над ними горит голубая звезда?

Для чего проникать за предел мироздания?
Разве каждый в свой час, по закону земли,
Не оставит любовь, и восторг, и страданья,
Чтобы облаком белым растаять вдали?

Но пока раскаленное небо багрово
И от шквального ветра качается дом,
Все равно мы стремимся за грани земного,
Где мерцает и гаснет манящий фантом.

Только ляжет тревога на сердце царя,
Выйдет юный Давид и ударит по струнам;
И пустынная ночь поплывет, серебра
Склоны сумрачных гор отражением лунным.

Тихо в этой стране, но трепещут сердца –
Скрытый ужас ползет от ступени к ступени.
Не страшись, человек! Положись на Творца!
И пройдешь, не боясь ни преграды, ни тени.

Полон мыслей тревожных и мрачен Саул:
Перед взором его наполняют долины
Груды мертвых костей – и на выступах скул
Пролегли и разрезали кожу морщины.

А кинор, как небесная скрипка, звучит.
Но в ушах у царя наглый демон хохочет.
То на миг умолкает, то рыком рычит
И Давиду престол и корону пророчит.

И бросает копьё в псалмопевца Саул,
Но оружие ангел отводит рукою;
И не слышен царю нарастающий гул:
Это стан филистимский готовится к бою.

Это враг предвкушает свое торжество:
Содрогаются скалы вблизи Бейт-Шеана.
Просыпается царь: на груди у него
Темно-красным пятном растекается рана.

АЛЕКС МАНФИШ

Эссе

И вновь о неразрешимом

(вечность и «неглавные» герои)

- 1 -

...Когда речь заходит о деяниях совершенного Бога, мы сталкиваемся с абсолютными категориями. Страдания одного невинного так же непостижимы, как страдания миллионов. Разницы нет не потому, что страдания миллионов значат так мало, а потому, что абсолютно справедливый Бог не может быть «чутьточку» несправедливым. В сфере абсолютного мельчайшая несправедливость становится абсолютной. Бесконечно милосердный Бог не может иногда проявлять безразличие. Безразличие Бесконечного – это бесконечное безразличие.

*Элиезер Беркович, «Вера после Катастрофы»,
гл. 5, «Свидетель Катастрофы»*

Прежде всего поделюсь с читателями чувством некоторой неловкости. По двум причинам. Во-первых, я поставил этот эпиграф и начал свое эссе именно с Катастрофы только потому, что, если пишешь, приходится с чего-то начинать; тема же – безначальна... она, наверное, еще безначальнее самой вселенной в воображении атеиста... Во-вторых, образ Катастрофы здесь – не основное, о чем пойдет речь, а нечто «условное». И это может казаться кощунственным, но да послужит оправданием мне та самая беспредельность темы...

Риторические вопросы о Боге и Катастрофе ужасающе никчемны. Все эти восклицания – где Он, дескать, был во время Холокоста... или, если переиначить, – можно ли верить в Него после произошедшего, – по сути дела повторяют вопрошания – «за что?», «ради чего», – звучавшие с древнейших времен. Он там же, где был во времена «черной смерти», и любой истребительной войны, и любой зверской резни... Он там же, где был в часы, когда на древнеримские арены выпускали беззащитных и немощных на растерзание хищникам... Он там же, где пребывал в минуты зачатия ребенка-инвалида, в моменты раздирающих душу и сознание несчастных случаев, когда гибнут невинные, терактов в автобусе или ресторане; Он там же, где и в момент любой трагедии человеческой. И если можно было верить в него ДО Холокоста, то можно, стало быть, и после; и, напротив, если сейчас, зная о Катастрофе, нельзя, то как же раньше-то можно было?

Кто сказал, что трагедия четырехлетнего ребенка в газовой камере страшнее трагедии такого же малыша, гибнущего, скажем, от теракта, или пожара, или цунами? Никто не сказал и не скажет. А я скажу, что несчастье в мирное время – когда нет трагедии глобальной и

всеохватывающей, – очень возможно, еще ужаснее для близких. И для самих жертв – тоже, если они достаточно осознают происходящее. Ибо всеобщность горя, может быть, все-таки чуть смягчает его для каждой отдельной личности, семьи... Не «ожидаемостью» ли своей?.. Что запредельнее: похоронка во время войны или страшная весть в обычный день?.. Ладно, хватит на эту тему: боюсь пространно рассуждать о таком...

Да, нацизм – бездна зла ни с чем не сопоставимая. Но о Боге – ничто новое не откроется глянувшему в эту бездну, верующий он или атеист.

И не «где был Бог?» надо бы в этой связи спрашивать, а скорее уж тогда «где был человек»? Ответить на это по сей день никто не сумел, и я не берусь.

- 2 -

Но это мое эссе – не о Холокосте. Оно – о Боге. О том, где же, где же, где же Он все-таки! Нет, конечно, на это я тем более не в состоянии дать ответ. Могу лишь вопрошать, как делали очень многие. Но вот в чем я твердо уверен: где бы Он ни был, – лучше, «уважительнее» по отношению к Нему просто не верить, чем давать всевозможные – целиком ли, частично ли «оправдательные», – объяснения мировому злу. А уж если веруешь или хотя бы надеешься на то, что Бог, несмотря на пучину зла, все же есть, то надо, что тут поделаешь, жить с этими «несмотря» и «все же», с этой необъясненностью.

Лично я – при совершенно не «религиозном» образе жизни, – совсем не атеист. И давно уже, с юности. Главная причина моего, скажем так, не-атеизма, – жуткий, переворачивающий душу ужас перед возможностью небытия. Перед тем, что когда-нибудь меня, и близких

моих, и всех, и всего, что я люблю, – не будет вообще. Перед последними мгновениями *еще бытия* (я еще здесь, вот мое имя, моя память, мои чувства, желания... и как же может быть, что минут через пять все это исчезнет – насовсем, навсегда?). Очень многое пробудили в моем сознании когда-то – лет в шестнадцать, кажется, – строки Евтушенко – о бабушках, катающих малышей в колясочках: «*Быть бабушкой – нелегкая профессия. Им грустно – впереди небытие...*» И еще «Идут белые снеги»: «*Я не верую в чудо, я не снег, не звезда, и я больше не буду – никогда, никогда...*» А потом он сам все-таки не выдержал этой мысли – и уверовал в чудо, принял крещение... А мне, вслед за этими стихами, позже, года в двадцать два или около того, довелось прочесть Набокова – «Отчаяние». Там есть выражение – «*раковинный гул вечного небытия*»...

И – вслед за Евтушенко, – ужасаюсь я этого раковинного гула. И иступленно хочу – быть. Вечно, вечно, вечно – быть. Очень давно во мне поселилась эта надежда на бессмертие, на вечную жизнь. И мысли о Боге связаны – не только, но прежде всего, – с этой надеждой.

И для меня совершенно очевидно: если нет бессмертия, то нет Бога. Ну, некая философская «первопричина сущего» и тогда, может, есть, потому что остаются в силе вопросы о том, откуда взялось «все». «Безначальность» и тогда остается nonsensom... Но дело не в том. *Бог* для меня – не «первопричина», «абсолют», «мировой разум» – или как бы уж там еще ни называть, – а *личность*. *Некто*, с кем для нас, людей, возможны отношения.

Если *некто* к кому-то или чему-то определенным образом *относится*, объект отношения уже не может быть тем, кого (или что) можно взять и равнодушно выкинуть на

свалку. И не может быть предназначен для предстоящего – раньше или позже, – выкидывания.

Это примерно как было в одном из замечательных «Денискиных рассказов» Виктора Драгунского. Захотел Дениска учиться боксу, но мама сказала, что покупать грушу – дорого. И дала ему вместо этой самой груши, для отработки ударов, – старого плюшевого мишку. И вот стоит мальчик, и смотрит на этого мишку, которого он когда-то кормил, «нянчал», к себе прижимал на ночь... и неужели я по нему, по глазенкам этим, теперь колотить буду?.. И он заплакал...

Мишка уже не был нужен для игры, но он остался объектом отношения. То, что дорого нам, к чему мы были привязаны, нами обычно сберегается. В отличие от тряпки или салфетки, использованной и бросаемой в мусорное ведро, я не выброшу, например, единственную (остальные, увы, побились) оставшуюся от советского сервиза фарфоровую чашечку, из которой любил когда-то пить чай, пусть даже она и треснула давно... Не выброшу – жалко. Неживая, а все одно жалко... Вот и Богу-личности нас «выкидывать в небытие» должно быть жалко, хотя бы так, как Дениске мишку своего...

Если Бог – личность, то должен же Ему быть кто-то дорог. И кто же тогда в первую очередь, если не мы? Ибо мы – не в пример этому мишке живые и разумные, – даем Ему возможность быть не только субъектом, но и объектом живого и осознаваемого отношения. И если уж мальчику жалко даже игрушку, с которой когда-то возился, то неужели не жалко Тебе, Боже, дать исчезнуть тому, кто Тебе... что-то говорил... или хотя бы смотрел живыми глазами в пространство, надеясь, что Ты видишь его. И на Тебя смотрел бы, если б... Ну, тут уж давай без претензий, это Ты сам так устроил, что на Тебя – нельзя...

И Он, Бог, не может не пребывать с нами в некоей взаимной зависимости. Ибо любая взаимосвязь порождает и зависимость столь же обоюдную.

Представим себе пускай даже безраздельно властвующего над подданными царя – ну, или господина, который неограниченно волен над «головами, и животами» – и чем бы уж там ни было, – принадлежащих ему рабов. Что будет, если он позволит себе вести себя с ними исключительно по своей прихоти? На кого указательный палец правой руки укажет, тому перстень подарит, а на кого мизинец левой ноги, того псами затравит. И даже не поинтересуется – кто из этих двоих в чем-то виновен, а кто верный слуга? Ну, и будут ли ему служить-угождать? Да кому это надо, если его действия «неисповедимы», ничем не обусловлены, кроме «тыка»? Тогда – гуляй пока можно, все одно пропадать... Наше человеческое поведение относительно чего бы то ни было живого или считаемого живым – от комара над макушкой и вплоть до Бога, – формируется надеждой на хотя бы частичную, вероятностную предсказуемость реагирования на то, что мы сделаем. На комара замахнусь, – скорее всего, испугается и улетит. Богу помолюсь, – может быть, смилуется, даст что прошу...

Рабы это понимали, и само рабство их зиждилось на сознании, что они до некоторой степени могут контролировать поступки властей предрежащих, «управлять» их действиями. Хорошо услужу – может, и не побьют или, если и побьют, то не очень больно...

Но может ли быть «рабом» тот, с кем поступают лишь по голой прихоти? И – осознавший, что от его старания «получше услужить» *ничто не изменится*; лишившийся

надежды на эту самую возможность контроля... «Раб» в таком положении – уже не был бы рабом. Он был бы – сколь бы странно и страшно это ни звучало, – «свободным».

Это с изумительным психологизмом изобразил А. К. Толстой в «Князе Серебряном». Федор Басманов, по некоторым данным (включая «Историю» Андрея Курбского, которой, впрочем, полностью доверять нельзя) и по откровенным сюжетным намекам гомосексуальный любовник Ивана Грозного (а к тому же законченный, бесстыжий и безжалостный подонок), переживал, что царь «охладел» к нему, и ездил к мельнику-колдуну, чтобы вновь «причаровать» царское сердце. И этот колдун – схваченный по его же доносу о том, что другой опричник, Вяземский, ездит на мельницу, желая якобы «извести» ворожкой царя, – сообщил, что и сам Басманов бывал у него. Царь, которому «Федька» надоел, воспользовался случаем и приказал Малюте пытать его, дознаваясь о замыслах отравить или уморить царскую особу, – чтобы затем, разумеется, казнить в муках... Басманов в отчаянии молит о пощаде, валяется в ногах; но в ответ слышит издевательские слова царя... и даже родной отец, тут же стоящий, отступает: прочь – тот не сын мне, кто против государя... И он осознает – нет, не пощадят; не спастись – ничем!.. И... слово Толстому:

«Тогда в сердце его произошла перемена.

Он понял, что не может избежать пытки, которая жестокостью равнялась смертной казни и обыкновенно ею же оканчивалась; понял, что терять ему более нечего, и с этим убеждением возвратился к нему его решимость.

Он встал, выпрямил стан и, заложив руку за кушак, посмотрел с наглою усмешкой на Иоанна.

– Надежда-государь! – сказал он дерзко, тряхнув головою, чтобы оправить свои растрепанные кудри, – надежда-государь! Иду я по твоему указу на муку и смерть. Дай же мне сказать тебе последнее спасибо за все твои ласки! Не умышлял я на тебя ничего, а грехи-то у меня с тобою одни! Как поведут казнить меня, я все до одного расскажу перед народом! А ты, батька изумен, слушай теперь мою исповедь!..»

В реальности Басманов был то ли и в самом деле казнен, то ли куда-то выслан, но примерно пятью годами позже. Имеются разные версии: согласно Карамзину, он по приказанию царя убил своего отца, Алексея, хотя даже и этим сам от казни не спасся... Но, в конце концов, Дюма с французской историей тоже не церемонился. *Этому Басманову – в «параллельном» мире «Князя Серебряного», – терять нечего. И... где же он... как же это назвать? «Оставь надежды всяк сюда входящий...» Федор Басманов, конечно, не читал Данте, но эта строка – не о нем ли? Он лишился земной надежды, он в *земном аду*.*

На пощаду власти небесной он все еще может надеяться, и... как знать?.. Дальше, по сюжету, он отца физически не убивает; правда, под пыткой дает на него показания – мстя ли за то, что не заступился батюшка, или просто чтоб передохнуть от мучений, пока оговор будут записывать... Перед казнью же, на плахе уже стоя, закричал – покаяться всему народу в грехах своих хочу, – но Малюта быстро отрубил ему голову, и он («последнею наглостью», по авторскому тексту) избавился от казни затяжной и более мучительной... Как бы то ни было, уже и за пытки одни многое на том свете, наверное, могло бы проститься... и, вспоминая процитированную сцену, я не раз ловил себя на том, что отчасти сочувствую этому мерзавцу... И на том, что

даже на фоне прочих изуверств ужасным кажется – как же царь-то посылает того, кто был ему определенным образом – что бы ни думать о таких связях, – «близок»... посылает на терзания тело, которое... ладно, хватит об этом...

Но, как бы то ни было, перед *земною* властью этот Басманов, в романе, – уже свободен.

Это запредельная, *адская* свобода. Так свободен тот, кто знает: нет пощады. В христианском именовании человека «раб Божий» – щадящий смысл. Ибо если ты раб, пока ты раб, тебя еще могут пощадить.

А свобода? «Путь свободы – крестный путь страдания» (Николай Бердяев, «Миросозерцание Достоевского»). Человек свободен тогда, когда Бог молчит... безмолвствует... Когда ничто не обещано и ни от чего нет гарантии, когда на уста просится возглас – Бога нет!..

Да, иначе действительно – рабство, зависимость. Настоящая свобода избрать добро или зло, дерзание или бегство от опасности, риск любви или тоску одиночества, – эта свобода возможна только если распахнуты и высь, и бездна...

Но что делать тому, кто не хочет этой свободы, а хочет – пощады?

Что делать тем, для кого эта свобода – если бы даже в нее и поверить, – не есть ценность, ради которой оправдано было бы допущение всемогущим Богом пучины зла?

Зло! Почему оно есть?!

- 4 -

«Не хочу я удобств. Я хочу Бога, поэзии, настоящей опасности, хочу свободы, и добра, и греха.

– Иначе говоря, вы требуете права быть несчастным...

– Пусть так... Да, я требую.

– Прибавьте уж к этому право на старость, уродство, бессилие; право на сифилис и рак; право на недоедание; право на вшивость и тиф; право жить в вечном страхе перед завтрашним днем; право мучиться всевозможными лютыми болями.

... – Да, это все мои права, и я их требую».

(Олдос Хаксли, «О, дивный новый мир!»)

Я жучка в траве поймал –
До чего ж бедняжка мал!
Рвется, рвется прочь с ладошки,
Да силенок нет у крошки...

(перевод израильской детской песенки)

Первым делом признаюсь читателю, как жучок жучку: я-то не спешил бы улизнуть с ладошки, даже если б и в силах был. Ибо теплится во мне надежда, что ладошка эта – все-таки Божья.

Я не любитель афоризмов, считаю их в основном псевдомудрыми пустышками. И если большая часть еще ладно – безобидная лапша, – то иные ужасают своей кощунственной бездумностью. «Человек – кузнец своего счастья!..» Скажете ли вы это безнадежному инвалиду? Или тому, чей близкий убит нелюдем в чудовищном теракте? Или девочке, в четыре года угодившей на бегу под топор пьяного, который вовсе даже и не в нее целился – нет, в

соседа, такого же забуддыгу. И оставшейся без половины черепа – даже не по вражде чьей-то, а по ошибке...

«Человек – кузнец своего счастья?» Такие афоризмы придуманы теми, кто уже вырос и вошел в силу, в разум... Кого миновала врожденная инвалидность и не постиг несчастный случай в возрасте едва ли не младенческом.

Вообще, конечно, даже и из тех, кто вырос, далеко не всем дается шанс быть – нет, не быть, а скорее в блаженном упоении казаться самим себе, – соиздателями своей участи. Или – избранниками счастья. Лишь немногим, лишь некоторым, да и то все больше в художественной литературе. И как же обольстительны для нас такие случаи!

Кто-то совершил подвиг, и получил награду, и, вернувшись к возлюбленной, лежит в ее сладостных объятиях. А его товарищи лежат в объятиях колышущихся, содрогаясь от крови, трав. А они ведь тоже были молоды, отважны, умны... Но они так и остались статистами, тем фоном, на котором довелось блистать этому одному, – ибо именно ему посчастливилось пройти в ферзи. Ибо некий игрок, движущий фигуры, именно его предназначил – еще до его рождения, – на эту роль. А тех, остальных, рухнувших с коней, определил явить собою коллективный трагический фон, призванный оттенить его доблесть и его счастье. А почему предпочтен именно он, – не узнать на этом свете ни ему самому, ни товарищам тем, ни их близким... ни рукоплещущим, ни скорбящим...

Чтобы одна пешка стала проходной, – сколько фигурок должны быть сбиты, не удостоившись ни счастья, ни славы?

Вот свадьба Мариуса и Козетты. Мариус храбро сражался на баррикаде, он изранен, но лицо не пострадало; а потом он, без сознания, унесен Жаном Вальжаном через подземный лабиринт; и вот он венчается с любимой, а где

его друзья, где Анжольрас, Комбефер, Курфейрак, где безнадежно влюбленная в него и заслонившая его собой от пули Эпонины, где Гаврош – обаятельный, веселый, самоотверженный?.. Только один Мариус Понмерси остался из всех, кто был так молод и отважен. Он получает все. Он женат по любви. Он барон. У него более полумиллиона франков. А они – сбитые пешки, – сброшены с доски.

Упрекнуть его совершенно не в чем. Но он получает все, а они – сметены.

А вот Квентин Дорвард, на глазах своей возлюбленной сбивающий с коня герцога Орлеанского; а его товарищ (гасконец, но, увы, не д'Артаньян) – пал в схватке с сильнейшим из сильных, Дюнуа. Дорварда тоже не за что корить, он не выбирал себе заведомо более слабого противника; тот, с кем он сшибся, был даже как бы и «главнее». Но товарищ – убит, а Квентина ожидает счастье с прекрасной Изабеллой.

Мы читали эти замечательные книжки. И многие другие – о подвигах, о безмерной храбрости, о преодолениях и свершениях. И, захваченные обаянием героев, – мы были и чувствами, и мыслью с ними, восхитительными... И кому же из нас не мечталось порой – «А если бы я, именно я был тем самым!..»

Да, мы воображали себе это. И, конечно, понимали, что путь доблести – это путь риска. Что можно и не одержать верх, а оказаться поверженным. Но... эх, друзья мои, если бы риск состоял только в этом! Если бы игра имела лишь два предполагаемых исхода. Либо ты увенчан победой, либо... листаем классические страницы:

*«...Владимир Ленский здесь лежит,
Погибший рано смертью смелых,
В такой-то год, таких-то лет.
Покойся, юноша-поэт!»*

Он не создал семьи, не стал отцом, не одолел в бою, но он, по крайней мере, погиб красиво... Или – если хотите что-то из древности, – тот юный и отважный Протесилай, первым из ахейцев ступивший на троянскую землю и – первым же из них, согласно предсказанию, сраженный. Не кем-нибудь там – самим великим Гектором. Тоже красивая смерть, тем более, что оплакивает его прекрасная Лаодамия...

С такими павшими тоже возможно соотносить себя. Но если уж мы окунулись в мир троянских преданий, – что думаете вы о спутниках Одиссея? Он – главный герой, – вернулся, истребил женихов и воссоединился с верной своей Пенелопой. Ну, а они – статисты в этом спектакле? Они, наверное, радовались, пройдя живыми сквозь все бои; но потом-то! Кто-то из них был пожран циклопом, кто-то – Сциллой... а что стало с большею частью? Утонули... захлебнулись в волнах... И не лучше ли уж было бы им пасть подобно Протесилаю?

В том-то и дело, что диапазон возможностей не сводится к двум полюсам: блеск победы либо красивая гибель. О нет! Он стремится к бесконечности. Да, некоторые из живущих достигали звездных высот; эти высоты *не* недосыгаемы, небеса не смыкаются над нами непроницаемым куполом – нет, можно рвануться еще и еще выше... Зато внизу... А внизу – пучина, и там – возможность не только поэтично-утонченных, но и непредставимых в своей чудовищности страданий! Там возможность быть рожденным в отхожую яму. Или родиться безнадежным инвалидом. Или попасть в лапы садиста, маньяка... Или быть «нежеланно появившимся, ненужным и мешавшим работе» (по эпически бесстрастному описанию Льва Толстого) младенцем, которого – поскольку он «не нужен», – окрестив, не

кормили, и который умирал от голода. Такова участь пятерых старших – Господи, веси, – братиков, сестричек, ли, – Катюши Масловой...

Здесь – отступление. Цитирую: *«Маслова была дочь незамужней дворовой женщины, жившей при своей матери-скотнице в деревне у двух сестер-барышень помещиц. Незамужняя женщина эта рожала каждый год, и, как это обыкновенно делается по деревням, ребенка крестили, и потом мать не кормила нежеланно появившегося ненужного и мешавшего работе ребенка, и он скоро умирал от голода...»*

Так вот, будь нечто подобное «обыкновенным», это было бы страшнее всех на свете войн и репрессий, это было бы страшнее Хиросимы и расстрелов в 1937-38-ом, яковинского террора вкупе с вандейским и республиканского с франкистским! Это было бы сопоставимо – возвращаясь к Холокосту, – разве что с Менгеле и с тем, что творили (в том числе над маленькими детьми) нацисты и их приспешники. Только с этим!..

Но выделенное мною в цитате *«обыкновенно делается по деревням»* – на великописательской совести Толстого. Ибо откуда он, при всем уважении, знал?! Если и поступали так отдельные изуверки, то не рассказывали же они об этом! И возможны ли «барышни» эти – *знавшие*?!!

Нет, не возможны (именно так – раздельно). На самом деле было иначе. Смотрим статью «Инфантицид и криминальный аборт в сельской России: прошлое и современность», д-р Безгин В. Б., журнал «Юридические исследования» 2013, № 4, стр. 196-229. Были случаи детоубийства, но не «обыкновенным» делом считалось это, а тягчайшим грехом.

«...В деревнях Новгородской губернии (1899 г.) как только становилось известно, что какая-нибудь девица забеременела, то староста созывал сход, на который призывал ее с родителями. Сход добивался признания в беременности самой девицы и подтверждения этого факта ее родителями. После чего староста предупреждал девушку: "Ты, голубушка, беременна, смотри, чтобы ребенок был цел!", а также ее родителей: "А вы хорошенько смотрите за ней; в случае греха – отвечать будете!"... "Убить своего ребенка – последнее дело. И как Господь держит на земле таких людей, уж доподлинно Бог терпелив!" – говорили орловские крестьяне. Суждения крестьян Ростовского уезда Ярославской губернии были схожи: "Ежели, ты приняла грех, то ты должна принять и страдания, и стыд, на то воля Божья, а если ты избегаешь, то, значит идешь против Божьего закона, хочешь изменить его, стало быть, будешь за это отвечать перед Богом"».

Звучали и более легкомысленные мнения на этот счет, но я привел то, что отражало типичную позицию русских крестьян. Религиозную, нравственную, человеческую!..

История Катюшиных братиков ли, сестричек ли – подобно изображенному другим Толстым Федьке Басманову, – из параллельного мира. Быть может, более жуткого, чем наш. Но и в нашем жути хватает. И вся эта жуть ведь тоже входит в число тех «прав», на которые притязает юный герой Олдоса Хаксли – «мистер Дикарь». Он не может жить в «дивном новом мире», среди запрограммированных «счастливых» марионеток, он, волею обстоятельств, вырос в «дикарском заповеднике», в

обществе индейцев, живущих «по-старому». Он хочет жизни, лицевая сторона которой – возможность духовности и милосердия, отваги и подвижничества... Да, но отвага и милосердие возможны лишь там, где есть и изнаночная сторона – наличие страждущих и истязаемых, обездоленных и недужных. Которых не спросили, хотят ли, согласны ли они на такую, именно такую роль на подмостках нашего мира... В принципе, и избранных, тех, которым довелось достичь высот, – их тоже не спросили. Им это выпало. Но любой начинающий жить и мечтающий о подвигах – знает ли он, к чему предназначил *его* раздатчик ролей?

Ты отважен, молод, жаждешь боя –
Словно глянул автору в тетрадь
И увидел: главного героя
Ты назначен в действии сыграть.
Словно знаешь – в строй клинков подъятых
Ты влетишь, отвагой опьянен,
Не попав в ноль целых икс десятых
Скошенных пристрелочным огнем.
Словно знаешь: даже если ранит,
То – в предплечье разве... и слегка;
И, врачую, в очи нежно глянет
Та, чья столь целительна рука...
Словно твердо знаешь: не нашепчет,
Не велит судьбинный шорох злой
Быть меж теми, чей задет кишечник,
Иль... подставь уж сам все «иль», герой!..
Словно из провидческой науки
Ты черпнул: тебе, уж если пасть,
То – как пели встарь, – раскинув руки,
А не на ошметки разлетясь...

Ах, дитя! Солдатики построив,
Властвуя, как бог, над миром их,
Ты избрал – не так ли? – тех героев,
Что тебе милей, ценней других.
Тот, чей щит со львом... А тот красиво
Меч взметнул – будь «немец» он иль «наш»;
Им – не так ли, – сгинуть без актива,
Стать безликим фоном ты не дашь?..
Если же, толчком оплошным сбитый,
Вдруг герой статисту в ноги шмяк, –
Ты их вновь расставишь деловито,
Ты сыграешь снова... Иль не так?..

Отступление: это мне из моего детства аукнулось...

Были у меня и солдатики, и воин со львом на щите, и набор «Ледовое побоище», десять на десять, зеленые рыцари и красные дружинники во главе с моим тезкой на коне... И чудесные старинные шахматы в доме были – пешки и офицеры («слоны») в виде ландскнехтов, очень для таких игр подходили, устойчивые, мощные... А стрелял я карандашами, резинку оттягивая... карандаш, впрочем, кувыркался, и приходилось внимательно отслеживать, кого именно с лету он задел, прямым, так сказать, попаданием. Кого с лету, тот – сбит, а кого кувырком-отскоком, – не считается, тех я ставил обратно в строй... Вообще играл я довольно «честно», надо сказать, и, в отличие от того, к кому риторически обращаюсь в этих стихах, не «переигрывал». Дело, однако, в том, что у меня не отрывочные игры были, а «история» – с государствами, крепостями и всем прилагающимся; а «главных героев» мне не надо было «воскрешать», поскольку, по изначальной задумке, по условиям всей эпопеи, они и не «погибали». Никто не «погибал», сбитый выбывал лишь из данного конкретного

боя... И женские персонажи, кстати, были: маленькая неразъемная матрешка и миловидная «Красная Шапочка»: из конфетного фантика вырезал, на фанерке обвел, выпилить фигурку не поленился и наклеил. Без них не так интересно игралось бы...

Но пойми, ребячьих игр создатель,
Правда в том... ах, что поделатъ с ней,
С правдой той, что сам ты – лишь солдатик,
И как знать – из тех ли, кто «ценней»?
Тот ли ты сверхценный, предпочтенный,
Кто храним, чей свыше мечен путь,
Иль из тех, кто скорбною колонной,
Под оскалом псов влачится в жуть?..
Ты, взыскуя подвига, не знаешь,
Что обрящешь... звездный блеск высот
Иль – безмерность мук, когда одна лишь
Мысль-мольба – о выстреле в висок..
Не проси же с глупостью гайдучьей
Испытаний, жизнь игрой сочтя!..
И на тех, чья цель – благополучье,
Не смотри с презрением, дитя!

«Что наша жизнь? Игра», – так возглашает герой оперы. Но человек намного более умный – Булат Окуджава, – поет иначе: «Наша жизнь – не игра...»

- 5 -

Так вот, читатель, как жучок жучку, предлагаю тебе вопрос.

Допустим, явился тебе ангел, и сказал тебе:

«Звездные вершины сверкают над вами, живущими; и се, жезл Божий над миром, указующий на избранных, кои достигнут пределов тех; и, пока живешь в мире сем, можешь и ты войти в их число; но и пучина зла под стопами вашими; и, пока живешь в мире сем, нет тебе ручательства, что не под твоими стопами разверзнется она и что не ты претерпишь ужаснейшие из мук...

И се, дан тебе выбор. Решай – остаться ли миру таким, каков он есть ныне, или преобразиться. Пребывать ли ему, как был он доселе, раздернутым и устремленным в безбрежность как звездную, так и ужасающе-пучинную? Или же сузиться ему; если же так, то не будут уже грозить никому ни увечье, ни утрата любимых, ни гибель страшная; но ни доблесть, ни святость, ни сострадание, ни мудрость не воссияют более. Ибо для того, чтобы сострадать, нужны страдающие; и для того, чтобы спасти, нужны бедствующие; и венца святости достойны лишь те, кто претерпел испытания тяжко-мучительные. И высшая мудрость возможна только там, где предстают вопросы бездонные, и только те могут ставить их, кто искушаем тайною мирового зла.

Прекрасным цветам сим – не возрастать тогда более, ибо лишь на болоте человеческого страдания возможны они.

Не вопрошай же о том, почему именно тебе явился я и именно за тобою выбор; ибо я сам не знаю сего – знает только Бог, пославший меня и препоручивший мне произнести устами своими услышанное тобой.

Помысли же и реши, живущий!»

Что же ответил бы ты? Сказал бы ангелу: «Уничтожь бездну, и да не будет никто во веки веков истязуем ею?»

Или, может быть, ты – пусть и ужаснувшись уделу, выпавшему иным, – все же молвишь:

«Нет, не может наш мир иметь смысл, если, словно реку каменными берегами, ограничить и смирить жизнь пределами, если лишь на мягкий и нестрашный покров травы или снега можно будет падать живущему, но лишь до некоего купола и не выше сможет он возноситься. Тогда жизнь станет подобна игре с умеренными ставками – подчас, быть может, увлекательной, но не захватывающей; игрой, не грозящей побежденному отчаянием, но и не сулящей победителю восторга. К чему же она? Нет, да будет беспредельность и в прекрасном, и в жутком; ибо лишь тогда сможет сбыться и раскрыться в человеке образ Божий; ибо в беспредельности – божественное начало. И лишь мучительно боясь за любимых, может человек любить; и лишь содрогаясь от страха бездны, может он восславить светлый рай спасения от нее. Скорбя о тех, кто пал в чудовищную пучину зла, я все же не решусь уничтожить ее ценою отлучения нашего от вечно-звездных высот над нами. Ибо в том мире, в коем мы пребываем, некоторые – пусть лишь немногие, – причащаются сияния их; если же сузить и смирить жизнь, то никому не будет доступно это».

Кто-то выскажется так... И не поступится прекрасными цветами доблести, святости и мудрости... И согласится во имя их сохранения на хищно скалящуюся бездонную пропасть зла.

Ну, а сможет ли он – согласившись, чтобы она была, – взглянуть в глаза тем, кто пал в нее?.. Тем, кто оказался жертвой. Статистом. Тем, кто попал на клыки чудовища, обернувшегося... то ли врожденным увечьем, то ли несчастным случаем... то ли, то ли, то ли...

Услышь это они, – из их глаз сверкнули бы немые и в немоте своей страшные молнии проклятия.

Проклятия – не знаю, заслуженного ли, но, по крайней мере, обоснованного. И тем, что *их* это решение оставит в черной бездне горя, муки, ущербности, и тем, *из чьих уст прозвучало оно*. Тот, кто изрек бы это, сделал бы свой выбор не перед началом поприща – в чем бы ни заключалось оно, – а постфактум! Когда лично его многое – *уже* миновало! Его *уже* родили и выкормили. Он *уже* вырос, не застигнутый жутью, которая пресекла бы его жизнь прежде чем он начал бы что-то осознать. Его разум светел, его плоть не увечна, ему улыбались женщины, он созидал и свершал... Не все было успешно, но наряду с проигрышами бывало и торжество. Он жил и живет полнокровно, ему выпали карты, среди которых мелькают в том числе и козырные. Он, так или иначе, *уже* не растерт в прах не успев ничего...

- 6 -

Сказать «пусть диапазон возможностей остается беспредельным» означало бы – одобрить условия игры, *уже* отыграв... только ли первый тайм, несколько ли... И честно ли это?

И возражу сам себе. Может быть, и «честно» по-своему. Ибо игра этого «приемлющего зло» не заканчивается лично на нем. Допустим, сам он из тех, к кому жизнь повернулась светлой стороной, и завершит он свой земной путь без мук, в своей постели, окруженный любящей семьей. «Насытившись днями», по замечательному выражению из книги Бытия. Да, но у него же близкие, у него, по всей видимости, дети, и будут, очень вероятно, внуки, правнуки... Потомки, которым «игра» еще всецело предстоит... И что выпадет им? Согласившись на то, чтобы продолжала колыхаться и кипеть страшная пучина горя и мерзостей, будет ли он уверен в том, что среди тех, кто канет

в ее чудовищный зев, не окажется кто-то из тех, кто дорог ему?.. И что не воскликнет он в беспредельной скорби, узнав об этом – еще на земле или отойдя уже в мир иной, – «уж лучше было бы самому мне претерпеть такое!..»

Он тоже не застрахован от ужасов зла. И, согласившись на мир, бесконечно распахнутый и высям, и пучине, – кто знает, чему подвергнет он этим своим решением тех, кого любит...

Ну, так что бы ты ответил ангелу, читатель мой, если бы он предстал тебе?

Но, наверное, ты подумаешь: а сам автор?

А что выбрал бы я?

В моей душе, не умолкая, звучит то, о чем – в фантазии Ивана Карамазова, – спрашивал великий инквизитор Иисуса:

«...Иль тебе дороги лишь десятки тысяч великих и сильных, а остальные миллионы многочисленные, как песок морской, слабых, но любящих тебя, должны лишь послужить материалом для великих и сильных?..»

«...Да неужто же и впрямь приходил ты лишь к избранным и для избранных?..»

Ну конечно же, я уничтожил бы пучину зла. Это уже ясно читающему. Но, чтобы мой ответ не завис на воздушных облачках без явных очертаний, чтобы имел он живую статью, нужно некоторое знакомство со мной, ставящим этот вопрос.

Мой выбор предрешен, помимо прочего, еще и тем, что сам я в число помянутых избранных не вхожу. Мне никогда не быть духовным титаном, сколько бы я ни мыслил о вечном. Духовные вершины доступны лишь тому, в ком горит пламя жертвенности; я же давным-давно осознал, что

ни во имя веры, ни ради познания истины не пожертвую безопасностью и удобством. И не выдержал бы настоящих больших страданий; и если бы спросили – есть ли во мне сила претерпеть некие испытания, – испуганно крикнул бы, что нет, нет, нет!.. и где мне расписаться, что нет у меня этой силы... не надо проверять, поверьте на слово, что не было ее, и нет, и не будет!

Если уж надо добавить чуток конкретики о себе, то, вот, пожалуй, фрагмент из того, что названо мною «Автопортрет в пятнадцать лет»:

«...А я, чтобы выглядеть закаленным,
зябну в одной ветровке,
Но понимаю – не дошколенок, –
никчемность такой рисовки...
Знаю, что прыгать не стану в бездонность,
что очень домашний мальчик,
Чья не зайдет к приключениям склонность
дальше кина про команчей,
Что не рванусь, как дитя к гостинцу,
в хмельные объятья боя,
И, выбирая – спастись иль постигнуть, –
не предпочту второе;
Что к облакам не взлечу, словно Феникс,
ибо в огонь не кинусь;
Что перед девушкой встать подбоченясь –
мало, чтоб скрыть невинность».

Короче, пишет все эти строки человек, «испытаний» никогда не желавший и особыми духовными силами не наделенный. Они ведь проверяются не в любые моменты жизни, а именно когда плохо. А плохо бывает подчас

любому – у каждого своя ноша; и я лично под своей очень быстро сгибался.

Когда бывало плохо, те горошины, шипы, зубцы, что ранили, казались мне чьею-то изощренной издевкой. И виделся мне тогда вселенский палач, подчас играющий в наши души, а порой режущий по ним, чтобы то изваять из них нечто острым своим резцом, то исторгнуть «лакомое» (душевные движения)... И жизнь казалась жутким капканом, а Бог – постольку, поскольку Он присутствовал на полотне мироздания, – казался иной раз вселенским предателем.

*«Я крикнул вновь в пустую даль два слова – Бога нет!
Я вновь извлек их звук, их сталь из ножен тьмы на свет. Я
их, точь-в-точь голыми в пращу, вложил в смятенье уст. За
боль души я ими мишу, за страх, за крыльев хруст.
Превращена судьбой-пургой душа в моток тряпья; и если
мести нет другой, неверье – месть моя!..*

*Неверье не прибавит сил, оно – самообман. Бог есть.
Он землю сотворил. Дух жизни Богом дан... Пусть
сотворил! Пускай Он есть! Сжимаясь в злой комок,
неверьем я свершаю месть тому, кто не помог... Кто
предал – раз, другой, седьмой, и вновь, дай срок, предаст;
чьим скальпелем в душе больной искромсан каждый
пласт...»*

Все это еще очень мягко. На невзгоды жизненные, если по-честному, случалось мне откликаться очень даже истерично... матерясь, проклиная... Но не доброго Бога – нет, палача и предателя... И казалось, что весь мир – огромная ловушка, или ристалище, куда выпускают в лучшем случае на гладиаторский поединок, а в худшем –

просто на растерзание. Или ферма, где выращивают, чтобы слопать...

Но была, несмотря на это, всегда и надежда – на чудесное вызволение. Светились искры надежды на то, что все же есть некая сила, безусловно добрая к нам. И слагались вопрошания – почему, зачем зло?

- 7 -

Здесь могут спросить: да почему же такие мысли и чувства были, в связи с чем? Кто-то, прочитав, подумает: ну и досталось же ему, наверное... Но, представьте, нет!.. Написано все это человеком, в чьей жизни – Бог миловал (молю – да милует и впредь), – не было доселе ничего особо тяжелого. Конечно, были обиды (но... в самом-то деле, – «А у кого их нет? У чурбаков», – верно отметил Евтушенко), и боль, и страх довелось испытывать, но все это – в обычном, неизбежном для любого из живущих объеме: настоящие страдания мне только из книг знакомы. И упаси Боже с ними въяве столкнуться!..

Да, но помимо объективной оценки доставшегося человеку в этой жизни, существует еще и субъективное восприятие переживаемого. И таких бэкингемских принцев и принцесс на горошине достаточно немало... не один я таков, сам лично знаю довольно многих, среди таких в основном и кручусь... А к тому же я никогда и не притязал на духовное первородство; а если так, то мне позволено быть слабым, и ужасаться настоящих страданий, а столкнувшись с чем-то «стрессообразующим», расплакаться и раскричаться порой, как грохнувшийся с велосипеда мальчуган, разбив в кровь колено...

Если бы прилетел ко мне ангел и спросил – уничтожить ли вселенское зло? – я крикнул бы ему, восторженно воздымая дрожащие руки: «Да! Да! Да!»

Мой ответ ангелу был бы ответом человека, навсегда и всерьез уstraшенного самим фактом наличия на свете той самой бездны горя, мук, истязаний. И истступленно жаждущего, чтобы спасал, и ограждал, и защищал неотступно-неотлучно близких моих и меня Некто добрый, бережный, прощающий и щадящий!..

Мой ответ ангелу был бы ответом человека, в силу впечатлительности не просто боящегося соприкоснуться с чем-то страшным лично, но содрогающегося и от полуосознаваемого ассоциирования себя и тех, кто мне дорог, – с кипением этой пучины. Ну, и искренне... да, мне кажется, искренне... ужасающегося тому, что кого-то она настигает, кто-то – хоть бы и совсем чужой, – в нее падает... Это содрогание перед бездной трудно расщепить на компоненты, но мне хотелось бы думать, к чести своей, что тут не только эгоистический страх. Лгать не стану, уверенности у меня нет, но мне кажется, что все-таки не только он.

И зло вселенских масштабов, беспощадное, сверххищное и, в отличие от шуки, никогда не насыщающееся, не могу я представить себе ни «падшим ангелом», ни вообще чем-то таким, чтобы можно было с ним «разговаривать» (как, допустим, с Мефистофелем или Воландом... хоть и ничего, кроме вечного ада, не желаю я Воланду за это подлое подсолнечное масло) или что-то там ему «подписывать». Нет, в моем видении мира это злое начало – «антикосмически» чуждо слов, букв, облика... всего, что может быть присуще миру людей. И оно ни в коем случае не «Богом создано». Нет, это некое изначально существующее вопреки Ему чудище, а при нем, быть может, – адская стая хищных бесов с ядовитыми и острыми щупальцами, глумящаяся над живущими.

И тогда Бог, получается, не всемогущ (ну, разве что по титулу и в идеале), но я не только «прощаю» Ему это, а более того – отчаянно жажду, чтобы в реальности было именно так.

- 8 -

Уже очень давно не выдерживает моя душа ни идеи, ни образа Бога, от которого якобы также и зло, – сколько бы ни слышал и ни читал я доводов, что оно – зло, – тоже нужно и служит Божьему замыслу.

Нужно – зачем? Чтобы возможна была свобода? Но где она и для кого? Для тех, кому терять нечего... адская свобода Федьки Басманова?..

Нет, конечно, – скажут мне, – свобода выбора, свобода воли человеческой.

Но зачем пресловутый «выбор», если человек не знает, к чему может он привести? Выйти ли из автобуса на ближайшей остановке, чтобы перекусить слоеным пирожком? На ближайшей... а на следующей, минуты через три, этот автобус будет взорван бешеным террористом-самоубийцей...

Мне ответят: свобода выбора совмещена с предопределенностью множества жизненных звеньев; и она, может быть, «включается» лишь когда принимаются религиозно и нравственно значимые решения.

Ну, тогда смотрите: 28-ое июня 41-го, к городку подступает фронт... но верующий еврей отказывается уехать последним поездом на восток, ибо суббота... и еще не стопроцентно ясно – иначе не успеть. Знай он точно, что это единственная возможность спастись, – уехал бы, ибо вступил бы в силу принцип «пикуах нефеш» (попечение о душе): ради спасения жизни – можно. Но он – не знал, сколь

стремительно немцы ворвутся и отрежут все пути бегства...
И – погиб.

Мне ответят на это: истинно свободен тот, кто действует, веря, что превыше всего на свете – в том числе обычного житейского блага, – божественный замысел. Замысел, согласно которому – как знать, не лучше ли было этому человеку именно погибнуть, а не спастись...

Но тогда надо отрешиться от привычного нам восприятия «хорошего» и «плохого»... А мы и не в силах, и, если вдуматься, – должны ли?.. Останемся ли мы сами собой, если «отрешимся»? И потом, ступив на путь такого «оправдания» тех или иных зол некими «божественными планами», можно дофилософствоваться... мало ли до чего – инквизиторы вот ведь думали, что «спасают души»... Тут разные возможности открываются...

И если этот человек, отказавшийся уехать на восток 28-го июня, сознательно предпочитал вероятную гибель, чтобы не нарушить заповедь о субботе, – тогда это жертвенная самоотдача, доступная только исключительно сильным. Тем, кто в служении Промыслу бремя на плечи свои добровольно возложит.

Но неужели только для таких – то, что, согласно этой трактовке, следует понимать под «свободой»? Ибо огромному большинству людей она недоступна. В том числе, разумеется, мне лично.

И может ли она быть той ценностью, которая «оправдала» бы зло или хотя бы позволила говорить о том, что оно «имеет смысл»? Не может! Сама нравственность вопиет против подобного «осмысления»! Надо же... ради свободы для «избранных» – страдают все!..

Ведь и каждый из нас, обычных слабых людей, – тоже, чай, живая душа. И некоторые из нас тоже взывают ответов на вечные вопросы. Так в чем же «смысл страдания» не для

жаждущих «освящать Имя», не для титанов – для *нас*? Для всех?

А если для всех, так пойдите к безнадежному инвалиду – с ДЦП, или дистрофией мышц, или к такому, который и питается через трубку специальную, то есть лишен даже удовольствия от еды и питья... Или к тому, с кем произошел несчастный случай, или... Много тут разных «или»...

Пойдите *к ним* и попытайтесь объяснить *им* – зачем нужно зло? И в чем смысл их посланничества (есть такое понятие в иудаизме) в этот мир...

Скажите им – о свободе выбора.

И скажите им: не будь зла, как бы постигалось добро? И постарайтесь не опустить глаза, говоря о «добре» – *им*, чья жизнь состоит из сплошной и непрерывной муки.

И скажите им: не будь зла, как бы совершались подвиги доблести и добродетели? И ответьте им на вопрос – а чем служат они для того, чтобы эти подвиги стали возможными? Не удобрением ли? Ибо кому бы сострадали милосердные, не будь чьих-то мук? И кого бы спасали доблестные, не будь тех, кто погибает? И с кем бы делились щедрые, не будь страждущих и голодающих? И цветок добродетели, который не может взрасти иначе, нежели на поганных болотах земного ужаса, – не становится ли сам ужасным? И лучшие движения души не несут ли на себе печать порочности, если добыты острым, с садистски изогнутыми зубцами, заступом, вскопавшим эту душу, не останавливаясь перед криками боли?

И скажите им, что жизнь без трагического надрыва, без борений и преодолений, без грозящих опасностей и сияющих побед была бы скучна. А заодно поясните им, в чем именно для них может заключаться драма борьбы и сияние побед.

И расскажите им о душе, которая, прежде чем вселилась в тело, пожелала «заслужить» блаженство в вечности (есть и такой способ осмысления зла). О душе, которая не захотела неизменно пребывать в «детском» состоянии и получать все даром из родительских рук, подобно малышу, а пожелала «заработать» нескончаемые радости...

Потрудиться! Но разве труд – это муки и «заработать» – это обязательно «выстрадать»? Конечно, человек рождается не для безделья. Но разве настоящий отец, приобщая сына к своему мастерству, обрекает его на истязания? Нет, настоящий отец хочет, чтобы удобно и уютно было сыну трудиться, чтобы творчески и весело работалось ему. При чем тут страдания, немощи, обиды, будь они прокляты?..

И что бы это за «душа» такая, которая «захотела страдать»? Значит, она просто предала меня, ибо моя личность страдать ни в коем случае не хочет. О душе и личности мы еще поговорим, впрочем...

А есть еще и такое толкование: не будь на свете зла, не было бы возможно *верить* в Бога. "Credo quia absurdum". Пребывая в раю, мы *знали* бы, что мир идеален, и, даже если Создатель и не показывался бы нам и не говорил бы с нами, элементарная логика диктовала бы нам уверенность... фактически знание – есть Некто добрый и мудрый, давший нам это блаженство. Мы *знали* бы; а верить можно – лишь *вопреки*. Вопреки ужасам бытия, страху, боли, обиде, вопреки тому, кем может иной раз представиться сам Бог, если считать, что Он всемогущ, но допускает все это? Не палачом ли, не садистом ли?

Значит, зло на свете для того, чтобы создать возможность веры? Но что станет тогда с образом Бога? Что такое, в конце концов, «вера»? Это состояние души...

Ну, так может ли она иметь больший смысл, большее значение, чем именно *образ*, чем сам объект предполагаемой веры? Можно ли возводить в абсолют – состояние... или процесс? Ведь тогда получилось бы, что «вера» – нечто аналогичное «игре». Смысл игры – она сама, а не мяч, которым играют. А смысл веры, коли так, – тоже сама вера, а не Т(т)от, в кого она... Но если, кем (О)он там ни будь, верующий все одно верит, то образ Е(е)го тогда имеет не больше значение, чем мячик, улетевший на трибуны: мальчишка с кромки поля другой подаст...

Нет, ни вера, ни свобода, ни святость, ни доблесть, ни мудрость – даже все они вместе взятые, – не могут быть высшими ценностями, ради которых имела бы некий смысл пучина зла.

- 9 -

Тут мне, наверное, возразят: если надеешься на вечность, то что значит благополучие в этой мимолетной земной жизни, и что значит достающееся на долю человека в этом мире – допустим, в том числе и страдания?

Но как же это «что значит»? Если это «не так уж и важно», то для чего же тогда вообще дана нам эта жизнь? И почему тогда так уж виновен убийца... что уж такого отнял он у жертвы своей, если подобным образом рассуждать?

Мне скажут на это: земная жизнь важна, очень важна, но не тем «как живется», а тем, «кто ты». Возможностью духовной самореализации, преодоления злого начала в самом себе, возможностью достижения тех самых высот добродетели, доблести, мудрости... достижения своего личного максимума в этом смысле... Когда ты перейдешь в вечность, по-настоящему важным тебе покажется только то, осуществил ли ты заложенный в тебе твоим Создателем духовно-нравственный потенциал. Только это ощутишь ты

как значимое, все же остальное – триумфы и обиды, боль и торжество, – станет для тебя лишь ненужной шелухой, отбрасываемой прочь оберткой.

Да? Самореализация?... И вновь – идите к замученному или погибшему под колесами в три-четыре года ребенку и поговорите об этом с ним! И с тем же самым практически обездвиженным инвалидом...

И слышу в ответ: ты забыл о возможности переселения душ. Они, наверное, понесли кару за зло, которое совершали в предшествующих воплощениях. И будут вознаграждены в последующих.

Кто «они»? Вот и настало время порассуждать о «душе» и «личности». Именно – *кто*? Злодей из предыдущего цикла – страдалец ли из текущего? Это некто иной. Преемственность разве не обуславливается памятью? Тот, кого этот страдалец не помнит, не может быть – *им*! И грехи – не *его*.

Это именно так, даже если душа – более тонкая субстанция, чем личность. Даже если она и «переселяется». Объясняющие реинкарнацией несправедливость, страдания невинных, – низводят не только переживания личности в земной жизни, но и *личность в целом* на роль... кокона, скорлупы, кожуры... или, как бы уж там ни назвать, но некоей раз за разом осыпающейся шелухи.

Зачем она тогда – личность? Она может иметь смысл только будучи не «шелухой», а сущностью сверхценной и бессмертной. Только если она и в вечности сохраняет память о том, что было с нею в земном мире, и если в ней и там, за чертою, продолжают жить, и пылать, и быть столь же значимыми любовь к близким, гордость свершениями, обиды... И, конечно, желания... начиная с желания, чтобы у любимых, еще живущих на земле, было все-все хорошо... Личность имеет смысл, если она и там, и за гранью, –

останется собою. А остаться собою она не сможет ни в коем случае, если ей покажутся мелочью раны ее, рубцы ее земные. Если в сравнении с мигмом пребывания в царстве Божиим все здешние радости ничто, – тогда зачем же и весь этот морок земной?

И, кстати, грехи самые тяжкие тогда тоже должны утратить свое значение: подумаешь, земные радости у кого-то злодей отнял... ну и что, если вечные предстоят? Разве что свою душу этот злодей, конечно, подставил...

И что бы это за личность была, если бы, оказавшись в вечном раю и пусть узрев нечто такое, о чем и помыслиться ей на земле не могло, «проникшись и осознав», пожелала бы своим близким, еще пребывающим на земле, – «испытаний»!.. Вместо того, чтобы желать им, чаять для них – любви, уюта, пощады, радости, удобства!.. Я лично не могу себе представить, чтобы отец, и бабушки, да и все те родные, которых я на земле совсем или почти не узнал, желали мне, жене моей, маме, сыну, дочке (и, дай-то Боже, внукам, и правнукам, и так далее) прохождения через некие «горнила», «искусью», тяготы! Нет! Они желают нам счастья, счастья, счастья! Исполнения желаний!.. Которое и есть истинная самореализация!

Одно из двух. Вариант первый: эта земная жизнь – всерьез, и тогда ничто из земной нашей клади и ничто из утрат никогда не сдуется. А из чего мы состоим, если не... если не в огромнейшей степени из желаний своих? В первую очередь – из них!

Вариант второй: там, в вечности, то, что было для меня здесь болью или восторгом, скукожится в моем восприятии. И я воскликну: «Надо же, и ради такой чепухи я переживал?»

Отступление: мне это ой до чего ж знакомо... Я несколько лет играл в настольный теннис в секции недалеко

от дома – сейчас, правда, пока не хожу, нет удобных вечеров по расписанию... Играю я слабо, по-любительски. Но вспоминаю – иной раз, когда решающая партия... когда очко в очко... желание выиграть – иступленное... сердце дробь отбивает... губы чуть ли не молитву шепчут... Ну, а через час-другой – дома, и заботы совсем другие... и думается – ну из-за чего я так с ума-то сходил, тоже мне... будто решающий удар в серии пенальти на чемпионате мира по футболу...

Да, так бывало, и это естественно, но я не допускаю мысли, что, переместившись в вечность, буду испытывать нечто подобное. Если некоторые вещи действительно «сдуваются», то – уже здесь, на земле. Но через всю жизнь проходят неугасающие чувства, желания, мечты. Неугасающие и – дай Боже, – неугасимые. Не подлежащие угасанию никогда. Ни здесь, ни в мире вечном. Иначе я стал бы уже словно бы и «не собой».

Не хочу такой «переоценки ценностей»! Этот «второй вариант» – подл до невозможности!

«Чего стоят наши желания?», «Мало ли что мы хотели?»

И фразы, если вдуматься, – подлые! Я стыжусь, что и мне довелось пару-тройку раз крикнуть это своей дочурке, когда выводило из себя непослушание...

Если «мало ли» и «чего стоят желания», то – чего стоим мы сами? Ибо личность – разве не состоит в огромной степени именно из желаний своих? Нет, не только из них... Скорее так:

Мы из желаний наших состоим,
Из памяти, из боли о неспетом,
Из старости грядущей, чьим приметам –

Сколь бой ни длись, – однажды все ж сдадим
Град плоти и души... И кто из нас
Не соткан – сколь ни вязнем в мелком вздоре, –
Из дрожи, что сожмет в комок подчас,
Когда услышишь вдруг о чьем-то горе...
Мы сшиты из боязни перемен,
Из страха, что в конверте похоронка,
Из вымотанных нервов, жил и вен,
Что изнурила бешеная гонка.
И час ночной – за то благословен,
Что нам дает подобье передышки.
Как здорово, что гасятся огни!
Закрой глаза, поспи, опередивший;
И не успевший – тоже отдохни!
Забудь, что слаб, забудь, сколь мир жесток к нам;
И сны твои да будут про любовь.
Ты из нее – не правда ль? – тоже соткан;
О, если б, словно рекам малым в Обь,
В нее любой досаде, боли, грусти
Вливаться – и когда бы всем нам в ней
Найти исток, вместилище и устье,
И щит, что стен стобашенных прочней!..
И все же самым истинным, извечным
О нас, о тех, кто жил и кто живет,
Всегда пребудет образ – некто ль, нечто ль, –
К кому... к чему стремимся... и вот-вот
Получим! Тех несбывшихся «хотелок»
Волшебный свет по всем путям земным
Нам в душах – и ребяческих, и зрелых, –
Носить всегда. Их отблеск негасим:
Сколь ни было б то встреч, то перестрелок, –
Мы из желаний наших состоим.

И я не могу представить себе иной вечности, нежели та, одно из имен которой (пусть не единственное, но одно из...), – «исполнение желаний». И в которой каждому будет дано воздвигнуть все не построенные и не достроенные им воздушные замки. И не только воздушные, а – любые. Песочные, стеклянные, прянично-конфетные, сахарные...

И в этой вечности каждый из нас сможет стать и пребывать, сколько вздумается, «главным героем».

- 10 -

*Я – каждый здесь расстрелянный старик.
Я – каждый здесь расстрелянный ребенок!*

Евтушенко, «Бабий Яр»

Отступление. Здесь уместен этот эпитафия и по смыслу, и потому, что автор... Если я когда-нибудь напишу эссе о Евгении Евтушенко, то заглавием будет – «Человек, который любил людей». Сколько же всего открыл он мне, когда читал я, юный, его стихи, баллады, поэмы, в которых – то самое, воспетое им, «великолепье длиннот»!.. И скольким движениям души были и остаются созвучны его стихи! И ужасу перед небытием, и желанию, чтобы тебя принимали со всеми твоими слабостями, и... да мало ли чему еще!.. Он любил людей – простых, обычных! И лифтершу Машу, которой... «под сорок... грызет она грустно подсолнух», и диспетчера Изю Крамера, которому тоже сорок, а жены все нет, а возлюбленная погибла в гетто... И тех бабушек с малышами в колясочках... И солдат штрафного батальона, безмолвно погибающих за Родину, «как гвардии солдаты»... И аляскинского золотоискателя Боба, который, овдовев, «не отрыл, а зарыл свой самородок»... И невольно подслушанную на станции Зима женщину, у которой «...есть дети, дом, но есть еще душа; а в ней какой-то холод, лютый холод...» И уставшего от

профессии – убивать (пусть лишь быков, но все же), – матадора, сына испанской крестьянки... И тех, кто страдает от неразделенной любви, смешной, «как профиль Сирано де Бержерака»... И едва ли не любому своему помыслу и настроению находил я отклик в его стихах – с юности... И кто не нашел бы?! Воистину, надо очень любить людей, чтобы так писать!

Не знаю точно, насколько повлияло в данном случае написанное им, но что-то привело меня на край того обрыва, под которым лежат не только эти расстрелянные, а вообще все те, которых не спросили, согласны ли они идти стезей подвига, самоотдачи, риска, жертвенности, согласны ли они испить ту или иную чашу... те, которым просто выпало послужить *фоном* великих свершений, *почвой* для возрастания цветов доблести и святости, *жертвами* во имя...

Во имя Божьих чудес?.. Я знаю историю Исхода. Моисей – велик. *«И не было более у Израиля пророка такого, как Моисей, которого Господь знал лицом к лицу, по всем знамениям и чудесам, которые послал его Господь сделать в земле Египетской над фараоном и над всеми рабами его и над всей землею его, и по руке сильной и по великим чудесам, которые Моисей совершил пред глазами всего Израиля»* (Втор. 34, 10-12)

Да, но если вернуться на много лет назад, то *«...фараон всему народу своему повелел, говоря: всякого новорожденного [у Евреев] сына бросайте в реку...»* (Исх. 1, 22). И – бросали. Младенец Моисей был спасен и прожил великую жизнь... ну, а как же быть с теми, брошенными?

(А еще, скажут мне, и с теми египетскими первенцами, гибель которых была десятой казнью и многие из которых тоже были детьми. Да, соглашусь...)

И как быть с теми, выведенными из Египта и умершими в пустыне – слабыми, отчаявшимися, желавшими вернуться... Да, рабами, но разве они были в этом виновны?.. И что они могли сказать Богу?

«Нас отметив святым перстом,
В пыльно-жгучие кинув дали, -
Не казни нас за рабский наш стон!
Мы устали... мы так устали!

Не казни нас за то, что слабы,
Что боимся песчаного ада...
Не хотим мы особой судьбы,
И потомкам ее не надо...»

Никто из них не был героем, они предпочитали комфорт подвигу, но...

«Что ж... мы знаем – остались они
В тех песках. Их тоска о доме,
Стон, что тягостно жить на изломе,
Крики – в край, что покинут, верни, –
Смолкли там навсегда... В ДевтронOME⁶
Так написано – извини».

И через тридцать и сколько бы там ни было еще веков будоражит меня образ этой их доли...

Отступление. Тема «Исхода» звучала еще задолго до моего рождения и продолжает звучать сейчас в связи с миллионами людей, приехавших и приезжающих сюда (когда-то – на Израильскую Землю, теперь – в Израиль) из

⁶ Deuteronomium (лат.) – Второзаконие.

стран, где родились. Я подхватываю эту аллюзию, но к себе лично ее прилагаю лишь постольку, поскольку она пробуждает мотив сопереживания. Ибо сам, подобно многим, испытал разлуку с землей, где вырос. Только в этом смысле и соотношу себя с теми странниками, ни в коем случае не «соизмеряю» пережитое мною или кем либо из окружающих меня – с той долей... Тем более, что наш (мой и многих подобных) приезд сюда был обусловлен не идеологическими причинами, а желанием (в котором не вижу, кстати, ничего предосудительного) жить уверенно и удобно, благополучно и приятно. И еще тем более, что я лично не испытал ни «ужасов антисемитизма» в стране исхода, ни сколько-нибудь серьезных – материальных, а не душевных, – тягот адаптации в той, где теперь живу. Стресс, положим, был... ну, а кто же со стрессами не сталкивался... но теперь – и давно уже, – чувствую себя уютно, все устраивает...

(Отступление: кроме климата; но проклятый кошмар жары сейчас приходит, и надолго, почти во все страны, а у нас хоть нырнуть под качественный *кондишен* практически всюду можно.)

...и правильным считаю то, что совершилось; и продолжаю жить именно здесь не по идейным соображениям, а потому что удобно, надежно и, опять же, уютно... Потому что здесь я – дома.

А эти, покинувшие когда-то, в древности, кров и очаг... они всю оставшуюся жизнь пребывали в пути. Из них – ни одному так уже и не довелось прийти *домой*... почувствовать себя *дома*.

«...Ни курка, ни клинка
Не сжимал я, но голос мне слышен
Тех скитальцев в объятьях песка...

Боже, как же мне боль их близка!
И не ею ль весь стих мой вышит?..
Через бездну веков – на нее ль
Не откликнусь? Пусть жив я... пусть зажил
Мой рубец, – как близка мне их боль,
Тех, кто был в край иной пересажен.
Ибо с плеч и моих ниспадал
Первый цвет не в краю, где угасну...»

Как знать – что, если я в том числе и для того понадобился, чтобы осмысливать именно эти стороны бытия, осмысливать жизнь с точки зрения тех, кому нужна «не свобода, а пощада»... Хорошо, если так, потому что такое осмысление может быть нужно не эксклюзивному «Богу Авраама, Исаака и Иакова» (а также Моисея, Давида... и всех избранных для величия и свое избрание оправдавших), а Богу, который и этих скитальцев, и всех бегущих от испытаний, взыскующих «мещанского благоденствия» – любит и понимает нисколько не меньше. Для которого на свете не может быть «статистов». Который не *все* может, но может испытывать чувство вины за всех безвинно погибающих и страдающих, за любую из жертв, за любого угодившего «под раздачу», за любое «не повезло», «не сложилось», за несбывающиеся мечты и издевку судьбы, за чудовищный заступ, вскапывающий души человеческие... За бездну зла, не Им созданную, а вопреки Ему разверзшуюся.

И, если так, – можно надеяться, что Он есть и что Он эту бездну зла когда-нибудь все-таки победит и уничтожит. И тогда – преобразит мир так, что – ведомыми Ему путями, – каждый из живущих станет самым главным, и получит все по своей мечте... И тут мне уже нечего добавить, потому что я и представить не в силах, как бы это могло стать... Но на то и Бог, дело за Ним...

СОФИЯ ШЕГЕЛЬ

Рассказы

Под забором

Обычный будний день, четверг, йом хамиши, чтоб было понятнее. Иду по своему привычному маршруту, по улице Пионерской, в смысле рехов а-Халуцим, в славном городе Ашдоде, тут и переводить не надо, и так все знают. Не глядя прохожу мимо хорошо знакомого дома, давно уже и самим домом повосхищалась, и двором с недешевыми машинами, а пуще всего – забором. Высокая ограда из металлических стержней пиками вниз, в каменный бордюр, дополняет всю эту красоту в стиле хорошо упакованный модерн. Солнце светит и греет изо всех своих майских сил, весна давно отцвела и отколосилась, на дворе полноценное лето, даже дома уже не холодно, пора теплую одежду отправлять на летнее хранение. Потому и не смотрю по сторонам, тороплюсь, даже забором не люблюсь. Так он не

гордый оказался, сам мне неожиданность прямо под ноги бросил, откуда что взялось.

Присмотрелась – а там сама Виктория Токарева валяется, но в каком плачевном виде! Лицо грязью вымазано, на подбородке чуть ли не след от сапога, одежда вся выгвоздана, да какая одежда, можно сказать, отрепья одни, еще и правый глаз почти не виден, заплыл совсем, то ли ожог, то ли маслом измазан. И еще, как последняя насмешка, – сбоку бантик, ленточка красная, обтрепанная до крайности.

– Виктория Самойловна, это Вы? Как можно в нашем возрасте доводить себя до такого состояния? Что с Вами?!

– «Сказать – не сказать?» – автоматом сама себя цитирует писательница. – Во-первых, не ЧТО, а КТО, не думаешь же ты, что это по доброй воле. Да я и не одна здесь такая, осмотрись: вон Довлатова вообще пополам разодрали, Высоцкому нерв порвали, Улицкую раздели догола. А с Лесковым – совсем бесчеловечно поступили, впору бежать «плакон» искать. Нет, все у нас нормально было, горя не знали, хозяин с нас пылинки сдувал, бывало, подходил просто погладить. Это старый хозяин. А потом пришел молодой – и вот результат.

Я ускоряю шаг, прижимаю к груди замызганную Викторию Токареву и уже понимаю, что теплая одежда еще денек-другой побудет там, где ее застало мое прозрение. А я пойду читать «Сказать – не сказать».

Как грустно! Вот и у меня книга написана, уже просматриваются возможности публикации. А зачем?

Надо успеть

Всякая война кончается миром. Всякая встреча кончается разлукой. Всякая любовь кончается... Это так же предопределено, как, помнишь, когда Аннушка пролила подсолнечное масло. Все на свете начинается невзначай, с мелочи, с пустяка. С подсолнечного масла...

Ты ведь помнишь, не можешь не помнить, потому что это был момент счастья, один из немногих. Момент полного, неизбежного, через край льющегося счастья. После так уже не было. Нет-нет, было и после хорошо, но по-другому, не так. Не так самодостаточно. А тогда мы пристали на высоком берегу реки, и был август, и река в отсветах заката была сиреневой и молчаливой, только часто всплескивали бобры, они несли свои ветки и бревна – строить хатки, и никто не мешал им, тогда не было охоты на бобров.

«Убить бобра – это все равно, что убить человека», – сказал кто-то с комическим ужасом в голосе, и мы долго смеялись и не могли остановиться. Мы тогда много, весело и беззаботно смеялись по всякому поводу, это было задолго до Чернобыля, и все еще были живы, и в воспоминаниях не откладывались утраты, как сегодня.

Ты помнишь, конечно же, ты помнишь, не может быть, чтобы нет. Здесь, на нашем берегу, у самой кромки воды тоненько и малиново звенели крохотные колокольцы на удочках, когда рыба осторожно брала поклевку. И мы бежали с обрыва, от костра, спотыкаясь и смеясь, снова смеясь и радуясь, бежали наперегонки, чтобы успеть подсесть и вытащить трепещущую серебристую рыбку и полюбоваться ее свечением в последних отблесках сиреневатого заката, и снова вернуться к костру, тяжело карабкаясь на обрыв, хватаясь за корни и ветки,

оцарапываясь и не чувствуя боли, только сплошной восторг...

А там, на другом, пологом берегу, тоже частыми искрами вспыхивал костер, там отдыхали косари, они закончили работу, когда пала роса, и теперь сумерничали вокруг своего костра. Они не пели песен, только слушали транзистор, и томительный блюз разливался над рекой. У них не было шалаша, палатки стояли на лугу, найлоновые палатки, оранжевые и синие, наверное, польские или еще чьи-то, причудливое сплетение природы и цивилизации – транзистор, воткнутые в сочную землю косы остриями кверху, найлоновые палатки и этот первозданный, живой огонь, и упоительный запах свежескошенной травы и реки вперемешку с дымными ароматами позднего ужина, и все учащающиеся всплески бобров, разогнавших в конце концов всю рыбу. Ты помнишь?

Как вернуть эту прекрасную уверенность в том, что в жизни будет все, возможно все и нет ничего недоступного? Как пережить снова этот восторг полного слияния всех красок жизни, когда горячая любовь заливает сердце и взор, и одинаково прекрасны нежные руки и сосна в обнимку с березой, нигде больше нет такого, только там, на том высоком берегу, березка любовно обвивается вокруг розового ствола сосны, и нежит, и ласкает его, а сосна покровительственно раскинула широкую крону над березовыми кудряшками, и, может быть, только молодым и влюбленным видится в этом высокая символика всеобщего царства любви и счастья... Как вернуть все это? Никак не вернуть, можно только хранить в душе.

Время смывает все неумолимо – из жизни, но не из памяти. Теперь уже не взбежать так на обрыв и с обрыва не скатиться звонкой горошиной. Быть может, окажись мы

сегодня на том берегу, уже не испытали бы такого восторга. Но это ведь было.

Было и никуда не ушло, живет в душе и согревает ее, и не дает увянуть... А ты уходишь и уходишь. Нет, ты не собираешь чемодан, не делишь имущество, не раскладываешь на две стороны старые фотографии. Мы по-прежнему вместе пьем утренний кофе и прощаемся до вечера, по-прежнему вечером выходим иногда пройтись по преображенным сумерками улицам и потом возвращаемся в наш дом. У нас есть дом, но как же в нем тихо и пусто. Радость поселилась где-то в другом месте, может, на том дальнем высоком берегу реки? И до нее уже не добраться? И нам нечего рассказать друг другу, кроме воспоминаний? Или это только мои воспоминания, не твои? Ни за что не поверю! Нет смысла призывать тебя вернуться, ты ведь не знаешь, что ушел. Или знаешь? Знаешь? Тогда мне жаль тебя, так жаль! Как жить с этой болью? Как побороть ее? Одному не справиться, надо вместе. Но это ведь не одна боль, их две – твоя и моя. Раньше у нас была одна боль и одна радость. Когда радость уходит, боль множится? Дробится, как разбитый бокал, на тысячи колючих осколков? Но посмотри, ведь и осколок стекла может играть всеми красками и расцвечивать жизнь радостью. Все дело в наших глазах, нам надо заново учиться видеть – себя и мир вокруг нас. Времени у нас осталось мало, надо спешить. Надо успеть...

Раз надо...

Лиза проснулась от вдруг накрывшего ее неясного чувства – тревоги? вины? сиюминутной необходимости? Подхватилась в панике с дивана: что-то срочное? что? что

забыла? День сейчас или ночь? День, конечно, светло ведь! Надо же, заснуть среди дня, да так крепко, с чего бы? Бросилась в ванную – вспомнила давно проверенное ноу-хау: окликнуть свое отражение в зеркале, пригрозить, прикрикнуть – сразу мозги на место встанут. Еще в далекой юности, когда очередной экзамен был серьезным жизненным испытанием, Лиза придумала этот способ возвращать себя в реальность. Проверено, действует безотказно.

Нет, не на этот раз. Не то чтобы отражение отказалось слушаться, нет, просто Лиза не нашла отражения. Хуже того, она не нашла зеркала над раковиной, самой раковины, да просто не нашла ванной комнаты. Ничего! Это вообще не ее дом. Голые беленые стены, неожиданные какие-то коридоры, повороты, двери, тоже, как и стены, белые, холодные на вид. Очень светло, но ни одного окна, ни одного светильника. И за каждым поворотом новый коридор, неизвестно куда ведущий, и поневоле начинаешь искать свет в конце, но тут же понимаешь – это не тоннель, света не будет, и так светло, только очень беспокойно. Лиза останавливается перевести дыхание, сердце, кажется, сейчас выскочит через горло. В ушах метроном и дышать нечем.

– Старость не радость, – привычно успокаивает себя Лиза. – Ой, а кто с мамой?! Вдруг одна лежит, может, пить попросит или поесть согласится, а рядом никого! Конечно, никого, тихо, как в склепе. Господи, кто же есть в доме, что происходит? И вообще, где я? Где Дмитрий?

– Ди-и-ма-а! Ты где?

Даже эхо не отзывается.

– Джеки, – она зовет совсем тихонько, чуть ли не шепотом, но так заведено, щенок всегда слышит, сразу

отзывается. Нет, в ответ молчание. Лизе как-то сразу спокойнее становится: наверное, Дима пошел собаку выгуливать. А который час? Где часы?

Стены вокруг голые, ни картин, ни часов, зато вот она, еще одна дверь, тоже белая, но как-то от других отличается – чуть тоньше, чуть ниже, из отдельных вертикально поставленных дощечек, так иногда дома облицовывают. Почему-то Лиза сразу понимает – там ванная. Толкает дверь, входит. Ну, точно, не ошиблась, просторная ванная комната, напротив двери – огромная ванна типа джакузи, только высокая, чуть ли не по грудь Лизе, почти бассейн. И через край плещет вода, кажется, мыльная, да какие-то белые то ли простыни, то ли полотенца наружу свисают. Становится тревожно, Лиза потихоньку, сама себя останавливая, движется к тому краю этой странной ванны, где никакое белье не свисает. Странно, идет по воде, а ногам не мокро. Подошла совсем вплотную – и задохнулась от ужаса: там... мама! Она лежит в воде, на этих простынях-полотенцах, ее роскошные, дивной красоты волосы цвета спелого каштана нарядной короной поднимаются над лбом, а бровей не видно, все лицо в воде – рот, нос, морщинки у губ, даже глаза в этой мыльной, мутной, белесой воде, но Лиза сквозь пену так отчетливо все видит! Уснула, что ли? Как же она там дышит? Лиза подхватывает маму за плечи, старается продеть руки в подмышки, изо всех сил тянет на себя, но даже с места сдвинуть не может! И руки Лизы остаются сухими, она не чувствует тела мамы наощупь. Только необыкновенно белые плечи, как мраморные, как неживые... Как? Все так странно!

Лиза пробует звать на помощь, а голоса нет, только свист из горла рвется, как у лесной птицы. Что это? И что с мамой? Как она сама добралась до этой таинственной

ванной комнаты? Она ведь уже много лет неподвижна! А вдруг чудо? А вдруг встала? Гос-по-ди!!!

– Мама! Ты жива? Ты дышишь? Ты меня слышишь? Ма-а-а-ма! – Лиза криком кричит, но не слышит своего голоса. От дикого ужаса она просыпается.

На этот раз на самом деле. Родной диван, окно, орхидея на стеклянном столике – знакомая до последней трещинки на потолке комната. Реальность. Повседневность. Жизнь. Что это было? Почему вдруг так уснула среди дня? И мама. Роскошные ее кудри, как много десятков лет назад, когда Лиза школьницей была.

Мамы уже больше сорока лет нет на свете, это больше, чем половина жизни Лизы, она теперь лет на десять старше собственной мамы, а так и не привыкла, что ее нет, все разговаривает с нею, рассказывает, вопросы задает. Может быть, даже больше, чем в те времена, когда мама могла ответить. Правда, теперь Лиза точнее понимает, что именно ответила бы мама, если бы услышала вопрос. По крайней мере, Лизе так кажется. Больше того, теперь она порой не соглашается с мамой, спорит, доказывает. Тогда ей и в голову не могло прийти возразить маме! А теперь бывает.

Все, чего жизнь требует, а жизнь каждое мгновение чего-то требует, все это Лиза всегда выполняет четко и вовремя, при этом она иногда ловит себя на том, что разговаривает с мамой, не вслух, конечно, молча рассказывает, как без нее, без мамы, трудно, прямо дышать невозможно, а теперь еще и без Лины – это уже совсем никак, и никогда не станет возможно, и вообще – зачем! И четко, как в явь, Лиза слышит голос мамы, такой же мягкий, но с такими же непререкаемыми интонациями, как было тогда, при жизни: мама напоминает, что есть внуки и правнуки, ее, Лизы, внуки и правнуки, как будто мама могла

знать, что они у Лизы есть, ведь когда она покинула этот наш мир, ее собственный внук, сын Лизы, еще был тонкошеим студентиком, а теперь у него уже свои внуки! Но мама, как и прежде, знает все, она настойчиво напоминает Лизе: мало ли чего тебе хочется, мало ли чего ты не можешь. Надо – и все! И вроде бы у Лизы есть что возразить, есть как защитить свое невысказанное «хочу» или «не могу, не в силах». Вроде бы! Сколько раз она сама себе возражала в подобном споре, а тут молчит. Это жестокое слово «надо», хуже него есть только одно слово – «никогда»! Кажется, это неумолимое «надо» всю жизнь сопровождает каждый шаг Лизы, как вечный двигатель ее судьбы! Эй, физики, налетай, существует все же перпетуум мобиле. И не спорьте!

Нет, те времена, когда на нее обрушивались приказы, наидания, требования, советы, уговоры, канули в прошлое так давно, уж и не помнится, когда. Но та добротная прививка сработала, принцип остался. Когда-то Лиза сама для себя сформулировала и потом не раз вслух произносила: «Раз надо, значит, встал из гроба и пошел выполнять!» Со временем сарказм из формулы испарился и уже очень много лет, а кажется, что всю жизнь это и есть ее личное руководство к действию, девиз. Раз надо...

Как часто Лиза слышит от друзей, от родных:

– Ты сильная! Ты молодчина! Трудно поверить, что ты так можешь!

На самом деле все совсем не так! На самом деле у Лизы просто нет выбора. Раз надо...

СОФИЯ ШЕГЕЛЬ

Стихи

Дорога жизни

Я помню, мама мыла раму
И пела песню о весне.
Куда ведет дорога? К храму?
Зачем дорога? Храм во мне.
Он был во мне всегда, я знаю,
Я ощущаю в миг любой,
Он здесь, от края и до края,
Мой храм – вся жизнь и вся любовь!
Я помню, птицы щебетали,
Подсолнух солнцем расцветал,
Но все скорежил скрежет стали,
Свинцовый грохот, смерти шквал.
Нет давности на эту память,
Нет счета дней, нет счета лет...
Бывает миг, что мы не в храме,
И храма в нас, бывает, нет.
И все же надо возвращаться,
Бездушьем душу не губить,
Беречь свой храм, беречь, как счастье,
Беречь его, как право жить.

Философские размышления старого чемодана

Зевает старый чемодан
Разверстой пастью бегемота,
Устал, бедняга, отчего-то,
Ему бы на покой, в чулан!

Ему бы опростать нутро,
Умыть обшарпанную крышку,
Была дорога долгой слишком –
Но вот он, дом, и вот он, кров.

Как он устал от холодов,
От зноя, от побудки ранней,
От острых запахов скитаний,
От мудрых мыслей, глупых слов.

Их всякий, кто лишь только мог,
Писал – чернилами иль мелом,
Они казались главным делом
И главным признаком тревог.

Куда девались те листки?
Они на пестром коромысле
Небесной радуги повисли,
Так беззастенчиво легки.

Куда умчались те слова?
Кому и как они помогут?
Не лучше ль прошлого не трогать?
Пусть мы неправы, жизнь – права.

Чей козырь старше?

(эклога)

– Не терплю заморочки, –
Говорила швея, –
Ни минуты без строчки,
Без сорочки ни дня!

– Ямбом выверю строки,
Строф звенящих размер.
В этих рамках жестоких
Слышу звон высших сфер!

– Жить без ямба не сложно,
Без рифмованных слов,
Но никак невозможно
Без рубах и штанов.

И выходит, на равных –
Кем ты ни обернись,
Есть у каждого право –
Продолжается жизнь.

ЕЛЕНА ТЕКС

ПЕРЕВОДЫ С УКРАИНСКОГО СТИХОВ ЛИНЫ КОСТЕНКО

останови одумайся очнись
такой любви от веку не бывало
она ж промчится, чтоб сломать нам жизнь
вонзив в сердца отравленное жало
она ж покой разрушит до струны
и подожжет слова любви устами.
останови у краешка луны
пока наш разум пребывает с нами
пока еще я ощущаю кожей
твой поцелуй я в небесах парю
с тобою рядом душу отморожу
а может быть и пламенем сгорю

Напитаться голосом твоим

Напитаться голосом твоим
и нескончаемым потоком
той радости, что бьет, как током,
мгновеньем колдовства одним...
Внимая, слушать не дыша,
мысль так внезапно прерывая...
Смешною шуткою спасая
неловкость, паузу круша.
Слова натягивать, как луки,
чтобы сбивали на лету
нахлынувшую немоту
нерасшифрованной той муки.
И независимо и гордо
молчать, не зная – кто кого...
И голоса ждать твоего
так беззащитно, безысходно.

Твои глаза кричали мне: люблю

Твои глаза кричали мне: люблю.
Душе опять пришлось сдавать экзамен.
С надменностью, присущей хрустально,
осталась недосказанность меж нами.
И наша жизнь прошла сквозь тот перрон,
тишь нарушая рупором вокзальным.
Так много слов написано пером.
Осталась недосказанность меж нами.
Тревоги ночи растворялись в дне.
Судьба играла божьими весами.
Слова, как солнце, поднялись во мне.
Осталась недосказанность меж нами.

За грех счастливой быть

За грех счастливой быть не в лучший час
грядут и искупление, и кара...
Над виражами всех безумных трасс
я – женщина, но с крыльями Икара.
Растает воск – я в море упаду,
и захлебнусь я морем, как тобою.
Палящую, нежданную беду
лишь нежностью твоею я укрою.
Осенние на стеклах витражи...
А мне б забыть. Уйти, не оглянуться.
Тебя влекут крутые виражи.
Мы не могли с тобою разминуться.

Лейтмотив счастья

Мне страшно признаться: я счастливая.
Годы проходят – ты мною любим.
Шалееет любви тропический ливень,
соединивший нас днем одним.
Укачена ночью, тобой омыта,
шатает меня среди белого дня.
Ковшом одиночества я облита,
хоть безрассудно люблю я тебя.
Не золотом, я – бедами мечена.
Душа моя, захмелей со мной.
Ох, я не Фауст. Я только женщина.
Я не скажу: «Мгновение, стой!» –
Мгновение, будь! Лишь не мгновением,
а целой жизнью – волнуй и тревожь!
Пока не отправят меня в забвение
туда... Откуда... Тогда уже что ж...

Я по воде пройду, аки по суше

Я по воде пройду, аки по суше,
не зацеплюсь за кроткие слова.
Ты Вельзевул. Мою хотел ты душу.
Я не сдалась тебе – и я жива.
Из уст твоих срывалось белым пламя.
Вот если бы закончилось все тем...
Ты был высокий, словно мирозданье –
сомненья укорачивали тень.
Останься прежним. Я отправлюсь в ливни
молиться пням... Могучие они.
Несчастных не люблю. Дожди пролились...
Я – в счастье проживаю свои дни.

Забывать... Но по какому праву

Забывать... Но по какому праву?
Душа до края добрела.
Такую сладкую отраву
еще я в жизни не пила.
Такой не ведала печали,
не знала прежде жажду, страсть,
что может криком стать молчанье,
а все вокруг сияньем стать.
такого стона средь молчанья,
чтоб осиянной счастьем стать.
Такого звездного мерцанья
и нескончаемости дня...
То, может, не стихи – признанья,
цветы в подарок от меня.

Как тяжело я Вами отболела

Как тяжело я Вами отболела.
Все это было, словно бред и сон.
Любовь прокралась тихо, как Далила,
а разум спал – доверчивый Самсон.
Теперь мы расстаемся среди буден.
Замерзли в белых окнах миражи.
И как мы будем, как теперь мы будем –
чужими нынче ставшие, скажи?
А сказка наших дней была недолгой.
Как светлый сон, исчезла поутру...
Любовь ушла, не зная чувства долга.
Светла печаль... И я слезу утру...

Как холодно! Акация цветет

Как холодно! Акация цветет.
Она, как люстра, светит над асфальтом.
Звезда печально бледный свет несет,
и электричка вскрикнула контральто.
Как музыкант идет в кромешной мгле,
не всколыхнувши музыку словами,
иду в тот миг под небом на земле,
чтобы побыть в нем неразлучной с Вами.
И где-то, кто-то, может, там идет.
Наверно, Вы! Не может быть иначе...
Как холодно! Акация цветет.
Моя душа по Вам, любимый, плачет.

Экзотика

Если бы было просто счастье,
 это было б просто счастье.
А все, что сверх того, это – поэзия.
Слушай, милый, ты защищайся!
Я стала дикой, я – Полинезия.
Как-то Гоген бежал на Таити,
остались здесь и модерн, и готика.
А в этом мире, ну что ни скажите, –
только влюбиться теперь экзотика.
Мною нарушены все табу.
Нарванные цветы мои в Nirване.
Моих обязательств пасется табун,
а я целую тебя в вигваме.
Какая разница – без очков я, в очках?!
Я в джунглях блуждала – насилу выбралась...
Души предков придут на цыпочках,
чтобы увидеть, кого я выбрала.
У них глаза большие, круглые.
Скалы голые, как Голиафы.
Птица-тюльпан пьет воду из кружки,
а птица-сирень пьет из карафы⁷
Вот звездочки две в дом мой влетели.
Сады стоят буддийскими храмами.
Люблю твое тело, смуглое тело,
тело, татуированное шрамами.

⁷ Карафа - графин (итальянск.)

Увидите ль меня, увижу ль Вас

Увидите ль меня, увижу ль Вас?
А может, просто и не в этом дело...
Вы далеко, а я не там сейчас –
Во мне осталось жаждой Ваше тело.
Не позову – Вы счастье не моё,
И отзвук лунный к Вам не долетает.
Я думаю о Вас. Душа поёт.
Она светла, и грусть с рассветом тает.

Такой чужой

Такой чужой. Чужой, но неизбежный!
Химеры туч задушат горизонт.
Земля вдыхает глубоко и нежно
настоянный на ягодах озон.
Мне нестерпимо, душно и грозиво.
Лиловым чадом затуманен лес.
Он весь гудит, и сонно смотрят совы,
парчовый ливень выткавши с небес.
Легла гроза трепещущей десницей
на золотое буйство головы.
Мне могут никогда и не досниться
та жажда страсти и желанный Вы.
Грозятся грозы сильными громами,
сжимают сердце, ставят на дыбы.
И пусть смакуют эту страсть гурманы,
а ты стихия – любишь, так люби!
Не мучила ль тебя судьба небрежно?
Грозой тебя не ослепляла ночь?
Люблю.

Чужого.

Просто неизбежного.

Тоскую. Жду. Не убегаю прочь.

Тени и сумрак, и день золотой

Тени и сумрак, и день золотой.
Плачут и молятся белые розы.
Может быть, я или кто-то другой
смотрит с веранды на тихие росы?!
Может, он плачет, а может, он ждет
чьих-то шагов или скрипа калитки.
Может, он встанет и лбом припадет
к старой стене с отвалившейся плиткой.
Люди, куда вас пути завели?
Боже мой ясный, какое раздолье!
Горечь потомков как танец пчелы.
Танец пчелы до бессмертного поля.
Может быть, я через тысячу лет –
я ли, не я, вдруг, разбужены в генах,
Тут на земле ищем прошлого след
предков своих в их слезах и легендах.
Голос колодца, чего ж ты замолк?
И шелковицы, чего ж вы застыли?
Окна забиты. И ржавый замок –
а ведь когда-то вы в доме том жили!
Все разрушают ненастье, года...
Чей слышен стон в вашем доме ночами?
Там одиночество и маята
в печку суют пустоту рогаками.
Все это боль наша или вина,
или бальзам на забытые души –
Вспоминанье колодца, окна,
тропки заросшей и дикой той груши.

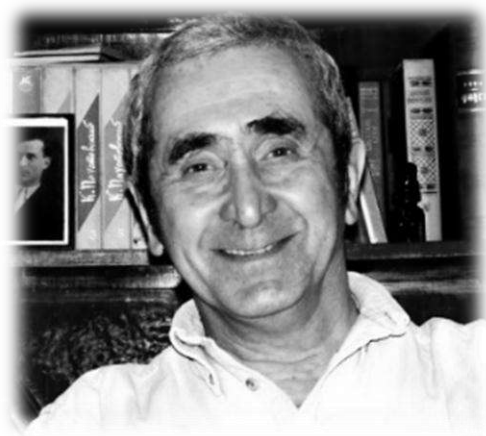
Под вечер выходит на улицу Он

Под вечер выходит на улицу Он.
Флоренция плачет и думает – сон...
И слезы напрасны, Он – Леты привет.–
И очень давно Его в городе нет.
Флоренция плачет: Он наш, только наш!
Когда-то кляла, прогоняла она ж.
Великий изгнанник бросает ей: нет!
Ведь есть у тебя кондотьер на коне.
На площади каменное кольцо...
Бушует огонь, обжигая лицо...
Считай – я сожженный, считай – я сгорел!
И незачем спорить теперь – чей Гомер.
Флоренция, ты не жалела огня –
о, как ты гнала и травила меня!
Прославилась в мире. Осанна тебе.
Пусть ирис цветет у тебя на гербе.
Он дарит ей профиль. Венков не берет.
Где хочет – воскреснет, где хочет – умрет.
Одежда из тонкого сшита сукна.
Виски покрывает ему седина.
Он тихо идет, он неспешно идет.
Печаль вековую в глазах Он несет...
Кто скажет, что Он не по моде одет?
Он – Данте. Ему только тысяча лет.

Ван-Гог

С добрым утром, моя одинокость!
Сильный холод. Немая тишь.
Циклопической одноокостью
смотрит небо вниз на Париж.
Моя мука, ты ходишь на грани:
лишь вчера играл короля,
а сегодня пепел сгорания
оседает на жар колера.
Краски мертвы. А руки маются!
На мольбертах распятый свет...
Я – надгробье, где грешник кается,
кипарисы глядят в рассвет.
Небо глухо набрякло грозою.
Пики замков прогнулись в кресты.
Сотрясением палеозоя
перебиты горам хребты.
Разыгралось воображение:
я пастух. Я деревья пасу.
А у дня в карманах терпение
в кулаках зажатых несу.
Сумасшедший или неистовый –
не Сезанн, Гоген, не Мане...
Только как во всем этом выстоять,
если много меня во мне?
Сумасшедший он, всем недовольный?
Что же делать? Он – это я.
Боже – вольный...
Боже, я – вольный!
Доброй ночи, Свобода моя!

ЛЕОНИД ДЫНКИН

Вид из окна

Сценарий

к анимационному фильму

Сумерки над городом. Морось. Порывы ветра лепят на оконном стекле мокрые снежные комочки. Они множатся, пенятся, стекают. В глубинах этого холодного полумрака различаются иногда мерцающие теплые блики, похожие на учащенный пульс...

Мокрые струи просачиваются в неплотности оконных рам, где-то заклеенных узкими серыми полосками. Но они намокают, сворачиваются, отлипают.

У подоконника, в кресле на высоких колесах, преклонных лет мужчина в черном вязаном джемпере. Белый воротник. Аккуратно остриженные седые волосы. Плед на ногах намокает капающей с подоконника водой. Он ее не замечает. На коленях мужчины планшет. Длинные пальцы на планшете, карандаш. На рисунке женщина

средних лет – недлинные посеребренные волосы, ясные молодые глаза, легкая улыбка.

Тускло освещенная комната. Оплывающая, догорающая свеча. Какие-то нервные всполохи – по всему пространству комнаты. На стенах развешано множество женских портретов. Возраст их разный. Похоже, это одна и та же женщина. Но есть там и рисунки с сюжетами летнего города, видимого из окна, солнечного луга за штакетником деревенского дома на околице или речки и костра под высокими и чистыми звездами.

Мужчина на коляске всматривается в непогоду за окном. Взгляд его скользит по загорающимся где-то далеко в дождевом мраке окнам – от блика к блику.

Вдруг странное серебристое облачко поглощает все видимое пространство. Коляска медленно въезжает в облачко и исчезает в нем...

Облачко переносит его в другое время и качество. Он в спортивном костюме, с рюкзаком на одном плече, шагает по молодой траве, мимо ивовых кустов к берегу речки. Рядом молодая женщина и девочка лет пяти. Девочка помогает ему ставить палатку, они над чем-то смеются. Молодая женщина приносит охапку ивовых сучьев. Костер начинает разгораться. Легкий дымок поднимается выше, выше...

И вновь возникает серебристое облачко, и какие-то странные потоки возвращают его в прежнее комнатное пространство...

Он скорее почувствовал, чем услышал, как кто-то подошел сзади. Слегка повернул голову. Молодая женщина, чем-то очень похожая на ту, у речки, наклонилась прямо к его лицу, обняла.

– Как ты чувствуешь себя, пап? Еще совсем рано, а ты уже не спишь!

– Все нормально, доченька, все нормально.

Она хотела было включить электричество, но – зажгла свечи на столике под женским портретом, обняла его снова и вышла из комнаты...

Он задремал под вихревые звуки налетающего на окна ветра. Откинулся на спинку кресла. И кажется ему, непогода за окном сменяется просто легким и тихим снегом. И опять это странное серебристое облачко над ним, медленно опускающееся на городские крыши. Постепенно снега становится все больше. Он забивается в оконные трещины, проникает, растет, становится пушистым сугробом, который постепенно заполняет комнатное пространство... Снег поднимает коляску над собой, потом над домом, городом, заснеженными полем и речкой. У леса коляска скатывается к незнакомому белому зданию с выметенными дорожками и темными неживыми окнами. Коляска въезжает в чистую маленькую комнату. Плотные шторы на окнах. Пустые стены. Тихо и глухо. Тревожно, больно...

Карандаш сломан. Мужчина пробует рисовать им на тех стенах. Ничего не получается. Ему становится очень холодно. Он кутается в плед – не помогает...

Просыпается. Свечи на столике под портретом заметно оплавилась. А за окнами стало светлее.

Вошла дочь, поставила поднос с чаем на подлокотники кресла.

– Ты знаешь, обратился к ней мужчина, – мне опять снился этот дом, где мы с тобой побывали зимой. Помнишь?

– Я заметила, что ты чем-то опять обеспокоен. Пап, забудь, никуда я тебя не отдам.

Все ярче блестят окна в домах напротив...

Мужчина в коляске наблюдает разгорающийся день. Только легкое серебристое облачко слегка туманит его. И в этом облачке, за далекой занавеской – трепетный фитилек свечи, а за ним карандашный портрет светло улыбающейся молодой женщины.

1970 г.

ЯКОВ БАСИН

Еврейский Циолковский⁸

Появление в 1987 г. на прилавках книжных магазинов книги «Ари Штернфельд – пионер космонавтики» издательства «Наука» вызвало некоторое смущение в среде еврейских библиофилов. Что значит «пионер»? То есть первопроходец? Само слово «пионер» именно это и означает, потому что происходит от французского pionnier, pion – «первопроходец». То есть самый первый. Но ведь все мы с детства воспитаны на мысли, что пионером мировой космонавтики (самым первым) был российский и советский

⁸ Этот материал уже был опубликован ранее, но так как он до сих пор малоизвестен, а контингент читателей почти не пересекается, мы считаем полезным привести его здесь.

Предыдущие публикации:

1. WeNews («Мы здесь»), март 2014, №№440 - 442.
2. «Вести», 2014, 14 октября.
3. «Альманах», Сан-Франциско, 2016, №24.

ученый Константин Эдуардович Циолковский. О каком же тогда пионере можно еще вести речь? Однако книга издана в СССР, где свято блюдут принцип приоритета русской науки. А у этого «пионера» имя и фамилия не вызывают сомнения в его национальности. В 1987 году допустить, что еврейский ученый может обойти в истории великого «отца космонавтики», представить было невозможно. «Нет, здесь что-то не то», – говорили тогда, каких-то 30 лет назад, те, кто этим вопросом заинтересовался. Однако оказалось, что это – как раз таки именно «то».

1.

В знойный полдень 7 июля 1935 г. в проходную московского сверхсекретного Реактивного научно-исследовательского института (РНИИ) зашел мужчина с выраженной еврейской внешностью и попросил о встрече с кем-нибудь из руководства. Говорил он по-русски плохо – с акцентом и подбирая слова. Заявил, что приехал из Польши и хочет работать в этом учреждении, потому что является одним из специалистов в той области, которой занят этот институт. Время было непростое: после убийства Кирова 1 декабря 1934 г. и начавшихся арестов представителей оппозиции в стране стала нагнетаться всеобщая подозрительность и шпиономания. Однако нагловатая простота пришельца, его откровенная наивность в вопросе трудоустройства на строго секретный объект, да еще наличие у него иностранного подданства несколько обезоруживали охрану, и к нему вышел мужчина в военной форме, представившийся главным инженером, по фамилии Королев. Гость предъявил документы и коротко рассказал о себе. Военный провел его в здание института и внимательно выслушал.

То, что узнал Королев (а это был тот самый Сергей Королев, будущий основатель практической космонавтики), было совершенно невероятным. Сидевший перед ним молодой человек – никому не известный польский еврей, – оказывается, полтора года назад, 22 января 1934 г., представил на обсуждение Французской Академии наук доклад «Метод определения траектории объекта, движущегося в межпланетном пространстве, наблюдателем, находящимся на этом объекте». Как позднее сам докладчик выяснил, это было первое в истории Французской Академии обсуждение космической тематики. А еще через три недели, 12 февраля, там же он зачитал еще один свой доклад – «О траекториях, позволяющих приблизиться к центральному притягивающему телу, исходя из заданной кеплеровской орбиты». Дальше – больше. Спустя два месяца автора докладов приглашают в Сорбонну, где он в знаменитой в научном мире аудитории «Декарт» читает лекцию на тему «Некоторые новые взгляды на астронавтику».

Насколько высоко оба доклада и лекция были оценены французской научной общественностью, свидетельствовало то, что 6 июня 1934 г. этому молодому и совершенно незнакомому в научном мире ученому присуждается Международная премия по астронавтике. Первая в истории мировой науки премия такого рода. Та самая, что была учреждена в 1927 г. французским ученым – одним из пионеров авиации и космонавтики Робером Эно-Пельтри и его коллегой по творчеству французским промышленником А. Гиршем.

Сергей Королев. 1938 г.

Для Королева этой информации было достаточно. В тот же день незнакомец был принят на работу в РНИИ на должность старшего инженера. В тот же день! Настолько высокой была потребность в квалифицированных кадрах этого профиля! Для 1935 года это была настоящая фантастика. Зачислить гражданина без советского гражданства при первом же его обращении в строго секретный институт, о самом существовании которого никому, кроме самого высокого руководства страны, не было известно, без самой основательной проверки органами госбезопасности, на самую высокую должность, дающую право вести самостоятельное тематическое направление... В это не просто трудно, в это невозможно поверить. Но такой уникальный случай произошел. Новым сотрудником РНИИ оказался человек по имени Ари Штернфельд.

Это уже позднее «компетентные органы» собрали о нем все необходимые сведения. А пока он начал работать. Появись он в Москве чуть позднее, и события могли пойти по совсем иному сценарию, ибо уже 5 ноября того же 1935 года Постановлением ЦИК СССР и СНК СССР №22 предполагалась «высылка за пределы Союза ССР

иностранных подданных, являющихся общественно опасными». А кто является «общественно опасным иностранным подданным», решали в те дни люди, для которых не представляло ни малейшего труда спокойно выстрелить человеку в затылок. Даже если этот человек представляет чрезвычайную государственную ценность.

В самом приезде некоего специалиста с Запада, изъявлявшего желание работать в СССР, не было ничего особенного. Во второй половине 1920-х г.г. на призыв большевиков помочь возродить экономику и культуру бывшей Российской империи откликнулись многие деятели науки, техники и культуры европейских стран. Другое дело, что спустя всего десять лет большинство из них жестоко пожалели о своем доверии к советской власти, убеждавшей их и весь мир в том, что в СССР действительно строится первое социалистическое и при этом самое справедливое государство в мире. Тысячи прибывших в страну специалистов погибли в годы массовых репрессий, обвиненные в шпионаже и вредительстве, но такой поворот событий, хоть и приближался, предсказать еще никто не мог, и люди в страну еще приезжали, полные надежд и честолюбивых замыслов. Одним из них и был Ари Штернфельд.

2.

Уроженец небольшого городка Серадза, расположенного почти на западной границе Польши, Ари (Арие-Яков) Штернфельд, был, если верить семейным преданиям, дальним потомком выдающегося философа и раввинистического авторитета XII века Моше Маймонида (Рамбама). когда евреи будут недосыгаемы для своих врагов так же, как Луна недосыгаема для жителей Земли.

Мысль о полете на Луну возникла у Ари еще в детстве, когда в Рош Ходеш, в начале каждого месяца, он вместе с отцом молился о наступлении такого времени. В хедер при местной синагоге Ари ходить отказался, и тогда родители пригласили мальчику домашнего педагога – меламеда. Тот, чтобы как-то увлечь своего ученика, давал ему книги по математике и астрономии, благодаря чему тот научился высчитывать лунные месяцы. Но уже тогда были люди, которые, вопреки молитвам, доказывали, что Луна вполне даже досягаема для землян.

Ари Штернфельд. 1932 г.

Еще в 1865 г. Жюль Верн выпустил фантастический роман о первом путешествии человека на Луну. Его герои организовали в американском городе Балтиморе «Пушечный клуб», разработали исполинскую пушку «Колумбиаду» и совершили такой полет. Приводились технические подробности и расчеты, согласно которым проект становился возможным даже для середины XIX века. Ракета запускалась из шахты глубиной 274 м, а развить снаряду Вторую космическую скорость помогал заряд пироксилина весом 180 тонн. Расчеты автору подготовил

известный французский математик Анри Гарсе. Так что мечта казалась вполне осуществимой. Даже название романа у Жюль Верна подтверждало точность расчетов и реалистичность изображаемых событий: «С Земли на Луну прямым путем за 97 часов 20 минут». А в 1901 г. появилась еще одна книга – роман Герберта Уэллса «Первые люди на Луне». Для того, чтобы захватить фантазию юноши, этого было достаточно.

Жюль Верн

В начале Первой мировой войны семья Штернфельдов переехала в Лодзь, и Ари поступил в еврейскую гуманитарную гимназию. Мысли о космических полетах не отпускали его. Он даже начал решать связанные с полетами технические задачи. Какое наиболее рациональное количество топлива должно быть в ракете, чтобы не перегрузить ее, иначе она просто не взлетит? Как, находясь в ракете, определять расстояние ее от Солнца с помощью бортового термометра? В 1922 г., когда Ари было 17 лет, он прочел только что вышедшую в Германии монографию

Альберта Эйнштейна «О специальной и общей теории относительности» и, чтобы разобраться в каких-то не очень понятных для него моментах, написал автору письмо. Эйнштейн ответил, и, вдохновленный этим контактом с великим ученым, Ари позднее даже целую главу в своей монографии посвятил теории относительности применительно к космонавтике.

После гимназии Ари поступает на философский факультет Ягеллонского университета в Кракове. Однако гуманитарные науки не увлекают его, и, закончив первый курс, он уезжает во Францию, в Нанси, где поступает в Институт электроники и прикладной механики местного университета. Университетские годы дались ему непросто. Французский язык пришлось осваивать с нуля. Чтобы оплачивать маленькую неотапливаемую комнатку и хоть как-то питаться, пришлось параллельно с учебой работать контролером газовых счетчиков. Фактически местом его многочасового пребывания была институтская библиотека.

Тем не менее, все годы учебы в университете мысли о полетах в космос не оставляли его. Он начинает заниматься расчетами траекторий межпланетных полетов. Свои увлечения он вынужден скрывать от окружающих, опасаясь, что те начнут сомневаться в его рассудке. Позднее он напишет: «Перелет через Атлантический океан Чарльза Линдберга казался тогда всем фантастикой, а тут какой-то одержимый занимается тем, что пытается доказать реальную возможность овладения вселенной».

В 1927 г. Ари Штернфельд получает диплом инженера-механика и уезжает в Париж. Он успешно работает конструктором и даже получает в Бельгии патент на одно из своих изобретений, но все свободное время по-прежнему посвящает освоению проблем полетов в космос.

В 1928 г. он поступает в докторантуру в Сорбонну. Цель – работа над диссертацией на эту, целиком захватившую его тему. На его запрос, где в мире еще занимаются возможными полетами в космос, из Центрального исследовательского института в Париже приходит ответ: «Нигде».

Он изучает механику полета ракет, вычисляет их возможные траектории. На работу он устраивается только в те учреждения, где есть счетные машины. Дома у него – только арифмометр. Тем более трудно переоценить результаты его труда. Его научные руководители ничем не могут ему помочь, потому что он работает над темой, которой никто не владеет. Более того, когда Штернфельд представляет наконец свою работу к защите, ни один из профессоров Сорбонны не берется дать заключение о ее ценности. Ему даже предлагают взять другую тему для диссертации, но Ари отказывается. Больше всего он страдает именно от того, что у него нет соратников.

Но именно в этот момент в его жизни появляется любимая женщина. Это – Густава Эрлих, одна из подруг его сестер по жизни в Лодзи. Она – тоже выпускница Сорбонны. Густава – секретарь польского отделения французской компартии, участник движения эсперантистов. Человек неравнодушный, она поддерживает Ари в его стремлении продолжить работу над космическими проектами. Владея польским, немецким, французским, русским и идишем, она редактирует его статьи, ведет деловую переписку.

В университете Штернфельд увлекается работами Циолковского. Но нигде в Париже, даже в национальной библиотеке, его книг нет. И тогда он обращается к далекому русскому ученому из провинциального города Калуга с просьбой прислать ему свои работы.

Константин Циолковский

Завязывается переписка. Чтобы читать письма и книги Циолковского в подлиннике, Ари начинает заниматься русским языком. В августе 1930 г. он помещает в газете «Юманите» статью «Вчерашняя утопия – сегодняшняя реальность», посвященную межпланетным полетам. В ней он отдает дань русскому ученому и признает его приоритет в области космонавтики.

Чтобы воплотить в жизнь свою мечту – завершить все необходимые расчеты и оформить их в монографию, Ари возвращается в Лодзь, к родителям. У него нет счетной машинки. Арифмометр ему выносит из заводской конторы его друг. С трудом он достает единственную в городе семизначную таблицу логарифмов. Но работу над книгой он, тем не менее, завершает. В ней 490 страниц. Машинопись – дело рук сестры Франки, погибшей в годы нацистской оккупации вместе с другими членами его семьи. Монография – на французском языке. Ее название – «Введение в космонавтику». Не в «астронавтику», не в «звездоплавание», а именно в «космонавтику». Так в науку входит новое слово, но должно будет пройти еще добрых

полвека, пока оно не станет одним из самых популярных слов на планете.

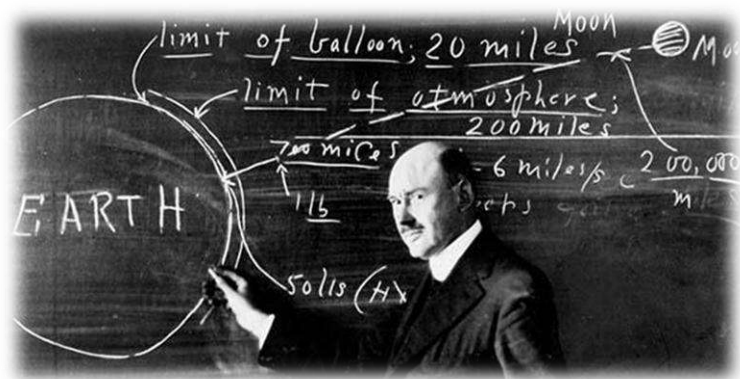
3.

В 1932 г. Ари Штернфельд впервые оказывается в СССР. Не исключено, что сработала рекомендация Густавы: французская компартия поручила ему представить Наркомату тяжелой промышленности свой проект робота-андроида для выполнения трудоемких и опасных работ. В Москве Ари получил место в гостинице «Савойя». Ему выделили в помощь квалифицированных чертежников, и через месяц проект был рассмотрен. От полагающегося гонорара Штернфельд отказался, но пребывание в Москве во многом предопределило его дальнейшую судьбу. А пока ему предстояло позаботиться о публикации монографии, подготовке которой он фактически посвятил последние десять лет жизни. Ари мотается по всей Европе и читает лекции по космонавтике. Он пересылает свою работу на отзыв европейским светилам в этой области – немцам Герману Оберту и Вальтеру Гоману.

Но далеко не все в ученом мире были готовы в те годы воспринимать идеи освоения космоса. Его доклад в декабре 1933 г. в Варшавском университете был принят довольно холодно. Штернфельд пытается найти издателя для своей монографии – безуспешно. О том, чтобы работать в Польше над проблемами космических полетов, нечего было и думать, и он возвращается в Париж.

К тому моменту, когда появились первые работы по космонавтике Ари Штернфельда, число серьезных публикаций в этой области можно было посчитать по пальцам. В основном это были исследования по ракетной технике. Американец Роберт Годдард – первым описал

принцип действия многоступенчатых ракет и опубликовал монографию «Метод достижения предельных высот» (1919).

Роберт Годдард

Герман Оберт описал динамику движения ракетного аппарата и практические выгоды от развития космонавтики, выпустил книгу «Ракета и космическое пространство» (1923). Вальтер Гоман результаты своих исследований опубликовал в 1925 г. в книге «Возможность достижения небесных тел». Француз Роббер Эно-Пельтри разрабатывал теорию межпланетной навигации и в 1930 г. выпустил книгу «Астронавтика».

Г. Оберт был известен тем, что теоретически обосновал возможность полета человека на ракете, а В. Гоман – тем, что математически просчитал способ перехода космического корабля между двумя орбитами с минимальными затратами топлива, впоследствии названный гомановской траекторией. Оба отзыва оказались для Штернфельда в высшей степени одобрительными: в его монографии была изложена целая совокупность проблем,

связанных с завоеванием космоса, а многие вопросы в ней были разработаны впервые в истории науки.

Герман Оберт

Вальтер Гоман

Все. Вслед за этими четырьмя работами уже следуют исследования, принадлежащие советским ученым, но с этого момента и начинается трагическая история развития советской космонавтики, когда результаты исследований и изобретений зависели уже не от ученых, а от социальной системы страны, где эти ученые работают.

Свою первую работу, посвященную межпланетным путешествиям, Фридрих Цандер опубликовал еще в 1908 году, будучи еще студентом Рижского политехнического института. В ней он рассмотрел вопрос жизнеобеспечения человека в космическом полете. После отделения Латвии от России Ф. Цандер остался жить в СССР. В 1924 г. он опубликовал статью «Перелеты на другие планеты».

Именно Ф. Цандер запатентовал идею крылатой ракеты, которая, по его мнению, должна была стать основным средством для выполнения межпланетных перелетов.

В 1929 г. Ф. Цандер приступил к созданию реактивного двигателя на сжатом воздухе с бензином. Три года было потрачено на эту работу, но она завершилась успехом.

Фридрих Цандер. Последнее фото. 1933 г.

В сентябре 1931 г. вместе с С. Королевым Ф. Цандер создает в Москве общественную организацию – Группу изучения реактивного движения (ГИРД). Помощь в ее создании они получили от Осоавиахима. Через несколько месяцев ГИРД стала по существу государственной научно-конструкторской лабораторией по разработке ракетных летательных аппаратов, в которой были созданы и запущены первые советские жидкостно-баллистические ракеты ГИРД-09 и ГИРД-10. Первый удачный пуск ракеты ГИРД состоялся 17 августа 1933 г. Запуска ракеты Ф. Цандер,

к сожалению, не увидел: он умер от тифа за несколько месяцев до этого события.

В те же годы, что и Ф. Цандер, проблемой межпланетных полетов увлекся полтавский юноша Саша Шаргей. Происходил Шаргей из семьи крещеных евреев: мать (в девичестве – Розенфельд), выйдя замуж, приняла православие. В 1919 г., когда Александру было всего 22 года, он уже завершил работу, которая, будь она в те годы оценена по достоинству, оказала бы огромное влияние на развитие космонавтики и сэкономила бы ученым многие годы исследований. О существовании Циолковского и о его работах Александр тогда еще ничего не знал. Он сам оригинальным методом вывел основное уравнение движения ракеты, составил схему и описание четырехступенчатой ракеты на кислородно-водородном топливе, придумал камеры сгорания двигателя и многое другое. А еще он предлагал использовать сопротивление атмосферы для торможения ракеты при спуске с целью экономии топлива.

Для начала XX столетия, для уровня науки той эпохи, его предложения поражали оригинальностью и глубоким знанием современной физики. Шаргей хотел использовать гравитационное поле встречных небесных тел для доразгона или торможения космических аппаратов при полете в межпланетном пространстве. Он даже рассмотрел возможность использования солнечной энергии для питания бортовых систем космических аппаратов и возможность размещения на околоземной орбите больших зеркал для освещения поверхности Земли.

Шаргей надеялся продолжить свои расчеты, однако события, перевернувшие жизнь огромной страны, перевернули и его жизнь. Во время Гражданской войны он

дезертировал из Белой армии, куда был призван как офицер царской армии, и, приобретя документы на имя Юрия Кондратюка, начал новую жизнь. Под этим именем он, собственно, и остался в истории космонавтики.

Юрий Кондратюк (Шаргей)

Долгие годы Шаргей-Кондратюк работает в Сибири, но о своем увлечении не забывает, и в 1929 г. даже издает в Новосибирске книгу, назвав ее для своего времени весьма даже претенциозно: «Завоевание межпланетных пространств». Однако 30 июля 1930 г. он вместе с группой сотрудников, занятых созданием элеватора, был арестован по обвинению во вредительстве и отправлен в одну из «шарашек» НКВД заниматься проектированием угольных предприятий. Позднее его привлекли к созданию ветроэлектростанций. Для этой работы его даже досрочно освободили из ссылки. Работы курировал нарком тяжелой промышленности Серго Орджоникидзе, однако после самоубийства наркома все исследования в этой области были свернуты. Группа сотрудников изучения реактивного движения и лично С. Королев пытались добиться разрешения привлечь Ю. Кондратюка к своим работам, но

из этого ничего не получилось: статья уголовного кодекса проклятием висела над ученым. (В 1941 г. Ю. Кондратюк пропал без вести, защищая Москву в рядах народного ополчения).

Если всего этого не знать, будет сложно понять ту невероятную скорость, с которой Сергей Королев чуть ли не за один день оформил в свою секретную «контору» Ари Штернфельда. Ученых с именем в научном мире и с рядом уже завершенных разработок в области теоретических проблем космонавтики в СССР в середине 1930-х г.г. не было. Казалось бы, все пути для научной карьеры открыты, но Штернфельд попал в Советский Союз на переломе эпох, и будущее его ждало незавидное.

4.

Оказавшись в СССР и будучи зачисленным в институт, занимающийся разработкой реактивной техники, Ари Штернфельд имел все основания рассчитывать на то, что главный труд его жизни, содержащий многочисленные расчеты траекторий будущих полетов космических кораблей, заинтересует наконец государство, строящее самое передовое, и в техническом отношении также, общество. Но для этого требовалось в первую очередь обеспечить перевод его книги «Введение в космонавтику» на русский язык и издать ее. А это невозможно было сделать, пока сотрудники института ни ознакомятся с его работой и не осознают ее ценность. И нашелся человек, который помог Штернфельду решить эту задачу. Это был Георгий Лангемак, заместитель директора РНИИ по научной части.

До 1933 г. в СССР в области ракетной техники работало несколько научных коллективов. Интересы дела требовали создания единой научно-исследовательской

базы. Предложения специалистов были услышаны и поддержаны начальником вооружений Красной Армии М. Н. Тухачевским. Результатом этого явилось создание в конце 1933 г. в Москве на базе московской ГИРД и ленинградской Газодинамической лаборатории (ГДЛ) Реактивного научно-исследовательского института (РНИИ) во главе с Иваном Клейменовым. Заместителем Клейменова стал С. Королев, которого на этом посту сменил в апреле 1934 г. Г. Лангемак. Последний быстро подружился с новым сотрудником и стал одним из немногих, кто по достоинству оценил значение его расчетов. В конце концов Лангемак сам перевел «Введение в космонавтику» на русский язык и сделал все, чтобы эта книга была издана.

Книга Ари Штернфельда для своего времени оказалась своеобразной энциклопедией по предстоящему освоению космического пространства. В ней были приведены расчеты и теоретическое обоснование множества траекторий космических полетов – то, чем до этого практически никто не занимался. Более того, были определены самые оптимальные из них с точки зрения затрат энергии. Штернфельд доказал, например, что траектории, при которых космический корабль сначала удаляется от цели и только потом начинает приближаться к ней, позволяют значительно сэкономить топливо. Эти траектории так до сих пор и называют «штернфельдовскими», а их автору журналисты присвоили почетное звание «штурмана космических трасс».

Это он, Штернфельд, ввел понятие космических скоростей и рассчитал их стартовые значения. Это он сформулировал понятие «сезоны космической навигации» и впервые теоретически обосновал орбиты искусственных спутников Земли – за много лет до появления первого

из них. Это он первым применил теорию относительности при анализе межзвездных полетов и доказал, что достижение звезд, в принципе, возможно в течение одной человеческой жизни. Это в его книге впервые были введены в обращение такие термины, как «космонавтика», «космодром», «первая космическая скорость», «космический аппарат», «перегрузка», «скафандр», «космический корабль»...

«Введение в космонавтику» в переводе с французского Георгия Лангемака была издана в СССР в 1937 г. Как писал позднее академик Б. Раушенбах, «по этой книге учились многие из тех, кому в будущем предстояла практическая работа по завоеванию космоса». Это была «книга на все времена». Когда через 37 лет, в 1974 г., в издательстве «Наука» вышло ее второе издание, в него не было внесено никаких существенных изменений. Оно было лишь дополнено примечаниями и комментариями автора. Но тогда, когда книга только появилась, о практическом применении изложенных в ней теорий и думать не думали. Академик-секретарь Отделения физико-математических наук АН СССР А. Колмогоров, ознакомившись с книгой, отметил только, что «при настоящем состоянии вопросов космонавтики постановка их в качестве плановых задач научных институтов АН была бы преждевременна». Тем не менее, книга экспонировалась в павильоне СССР на Всемирной выставке 1938-1939 г.г. в Нью-Йорке.

Институт, в который Штернфельд пришел работать, занимался конструированием ракетных летательных аппаратов. Одним из ключевых моментов в создании РНИИ были успехи по созданию реактивного миномета «Катюша», работы над которым велись с 1929 г. и были завершены в 1933 г. Едва ли не ведущую роль в создании «Катюши»

сыграл Г. Лангемак – основоположник исследований по конструированию реактивных снарядов на бездымном порохе.

Георгий Лангемак

Михаил Тихонравов

Осмотревшись и обнаружив, что представления большинства его коллег о ракетной технике находятся на любительском уровне, Штернфельд примыкает к группе интеллигентного, образованного и наиболее информированного о предмете ведущихся разработок Михаила Тихонравова, занимающегося созданием баллистических ракет на жидком топливе.

Штернфельд подключился к работе отдела, конструирующего крылатые ракеты. Он внес ряд новшеств в конструкцию механизмов, повысивших дальность и точность стрельбы. По трем изобретениям он даже получил авторские свидетельства. Принимал он также участие в деятельности Стратосферного комитета Осоавиахима и, завершая работу над «Введением в космонавтику», дополнил книгу разделом «Стратосферная ракета».

Будущие полеты в стратосферу были в те дни предметом активного обсуждения в советской прессе. Штернфельд предлагал для преодоления многих проблем свои решения. Это касалось и оптимизации режимов двигателей, и путей увеличения высоты и дальности полета ракет, и даже теории использования составных ракет. Его предложения создатели ракеты были готовы воплотить в жизнь, и 28 февраля 1937 г. на заседании Стратосферного комитета в Московском планетарии Штернфельд зачитывает доклад «Об особенностях стратосферной ракеты». Но это был последний аккорд в его научной деятельности. Начиналась очередная «чистка», и Штернфельд оказывается одной из первых ее жертв. В июле того же 1937 г. его без предупреждения и объяснения причин, в самый разгар испытаний ракеты, увольняют. Якобы «по сокращению штатов».

И вновь Ари Штернфельда спасает его величество Случай. Произойди это увольнение менее, чем через месяц, исход мог бы быть просто трагическим: в СССР начинались этнические «чистки». 25 июля появляется Оперативный приказ Наркома внутренних дел Н. Ежова об аресте германских подданных, работающих на предприятиях, имеющих оборонное значение. Не делаются даже исключения для политических эмигрантов. А 11 августа появляется аналогичный приказ о начале антипольских репрессий. В первую очередь аресту подлежали бывшие члены «Польской военной организации» (Polska Organizacja Wojskowa), созданной во время Первой мировой войны в целях борьбы за освобождение польских территорий из-под российского владычества. Среди других жертв репрессий оказываются «все оставшиеся в СССР военнопленные польской армии, перебежчики из Польши (независимо от

времени перехода их в СССР), политэмигранты и политобменники из Польши» и др.

Штернфельд прибыл в СССР из Франции, в 1936 г. Он и его жена получили советское гражданство, но, тем не менее, его при желании очень легко можно было причислить к перебежчикам из Польши, тем более, что в годы разгула репрессий особенно не разбирались, «кто есть кто». Усугубляющим моментом для него был факт его участия в работах, на которых стоял гриф «Секретно». Царившая в обществе политическая паранойя, связанная с пресловутой секретностью, диктовала именно такой подход. От оценки этой ситуации зависит ответ на вопрос, почему он не попал «под раздачу», ибо в аналогичной ситуации другой «иностранец», работающий в «закрытом» НИИ, оказывался в подвалах Лубянки первым. К таким «кадрам» в любом коллективе всегда относились с подозрением, и на них первых обычно писали свои доносы всевозможные сексоты – секретные сотрудники НКВД, банальные доносчики, каких этот самый НКВД наплодил в те годы несчетное количество. Во всяком случае, когда в печати появились две работы, выполненные им совместно с М. Тихонравовым, («Применение ракет для исследования стратосферы» и «Устойчивый вертикальный полет ракеты»), имя А. Штернфельда в них даже не упоминалось.

5.

Весной 1937 г. Сталин приступил к Большой чистке Вооруженных сил, и 22 мая был арестован маршал М. Тухачевский. Его деятельность по реформированию вооруженных сил, его взгляды на подготовку армии к будущей войне встречали сопротивление и оппозицию в наркомате обороны, и те, от кого зависела судьба армии (в первую очередь, маршалы Ворошилов и Буденный),

относились к нему неприязненно. Как позднее отмечал маршал Жуков, Ворошилов, тогдашний нарком, в этой роли был человеком некомпетентным, но Сталин принял его сторону. 11 июня Тухачевский и еще семь человек высшего командного состава Красной Армии были расстреляны. Сразу после этого начались репрессии во всех армейских структурах, которые Тухачевский курировал. Началась «чистка» и в РНИИ, который маршал создал в 1933 г. по личной инициативе.

Михаил Тухачевский

Искать компромат сотрудникам НКВД долго не пришлось. В свое время, объединив под одной крышей два проектных коллектива – Московский ГИРД и Ленинградский ГДЛ, создатели ракетной техники подложили сами себе то, что называется «бомбой замедленного действия». Добиваясь приоритета в осуществлении проекта, обе группы вели откровенно некорректную войну между собой. За два года совместной работы они измучили друг друга взаимными обвинениями и доносами. Было ясно, что в условиях репрессивной

политики властей это рано или поздно закончится большой трагедией, что и произошло во второй половине 1937 г.

Константин Циолковский и Иван Клейменов

Первыми были арестованы руководители всего проекта Иван Клейменов и Георгий Лангемак. Произошло это 2 ноября 1937 г. Следствие даже не приняло во внимание, что за несколько месяцев до этого оба были представлены к правительственным наградам за создание новых типов вооружения, и в частности реактивного миномета «Катюша». Оба были обвинены в шпионаже в пользу немецкой разведки. 15 декабря в дело легли материалы, полученные от одного из их оппонентов по работе в РНИИ, выпускника академии им. Жуковского, специалиста по механике Андрея Костикова. В ночь с 10 на 11 января 1938 г. И. Клейменов и Г. Лангемак были расстреляны. Место Г. Лангемака в РНИИ сразу после его ареста занял А. Костиков.

По мнению некоторых историков и работников ракетно-космической отрасли, Костиков, который пришел в РНИИ лишь в 1933 г., не только продвинул свою карьеру

ложными доносами на своих коллег, но и присвоил авторство разработки реактивного миномета «Катюша». И хотя к 1933 г. практически все основные работы по созданию «Катюши» уже были завершены, именно А. Костикову в июле 1941 г. было присвоено звание Героя Социалистического Труда «за изобретение одного из видов вооружения, поднимающего боеспособность Красной Армии» («Катюш»).

Но на этом честолюбивые замыслы А. Костикова не оканчиваются: он пишет заявления в партком с обвинениями в адрес двух других ведущих специалистов – Валентина Глушко и Сергея Королева. Заявления были немедленно переправлены в НКВД, и Глушко был арестован. По август 1939 г. он находился под следствием во внутренней тюрьме НКВД на Лубянке и в Бутырской тюрьме, 15 августа 1939 г. осужден Особым совещанием при НКВД СССР сроком на 8 лет. Весной того же 1939 г., А. Костиков по просьбе НКВД создает особую экспертную комиссию, которая 20 июня 1938 г. составляет справку о вредительской деятельности В. Глушко и С. Королева. Спустя 7 дней, 27 июня, Королева арестовывают. Его подвергают пыткам, а 25 сентября приговаривают к расстрелу, но через два дня Военная коллегия заменяет расстрел на 10 лет тюремного заключения.

А. Костиков

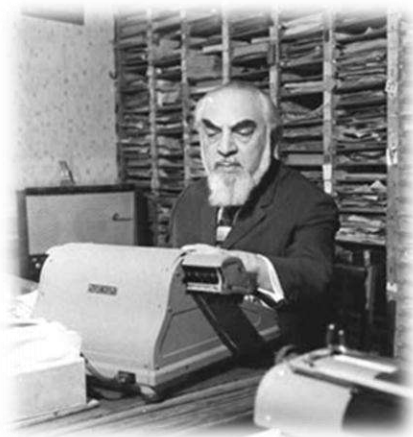
Костиков же дослужился до звания генерал-майора, был избран членом-корреспондентом Академии наук СССР, удостоен звания Героя Социалистического Труда и Сталинской премии I степени. (Умер в 1950 г. в возрасте 51 года).

Ари Штернфельда счастливо миновали репрессии, но он глубоко разочарован, что работы по созданию баллистических ракет свернуты, что их значение недооценивается, ибо, кроме задач по развитию космонавтики, существуют еще проблемы развития военной техники. Он пытается достучаться до кабинетов высшего руководства страны, не задумываясь над тем, что в обстановке всеобщей подозрительности это может быть превратно расценено. 16 мая 1939 г. он пишет в ЦК ВКП(б) письмо о необходимости продолжения работ в этой области. Пишет, не подозревая даже, что подобные работы уже давно ведутся в готовящейся к войне с СССР Германии.

Знали ли вообще тогда в СССР, что с 1937 г. на полигоне Пенемюнде в Восточной Померании существует секретный исследовательский центр под руководством Вернера фон Брауна по созданию ракеты Фау-2, которой немцы будут обстреливать во время войны города Европы. А пока Штернфельд пишет в ЦК ВКП(б): «Нет сомнения, что разработка таких, на первый взгляд, теоретических вопросов, как межпланетные сообщения, ускорит и решение ряда практических проблем, как, например, сверхскоростные сообщения на земле, сверхдальнобойная артиллерия и др.». Но его не слышат. На его письма никто не отвечает. Малообразованное советское руководство на эту тему просто не задумывается. Счастье, что он вообще при этом на свободе.

А пока, после ухода из РНИИ, Штернфельд остается без работы. Сначала ему удастся устроиться в НИИ машиностроения и приступить к конструированию робота, но вскоре его изгоняют и оттуда. Напомним, в 1937 году Штернфельду было только 32 года. Он полон сил, идей и желания сделать что-то полезное для своей новой родины,

но от него отталкиваются, как от прокаженного. Клеймо «сотрудника врагов народа» висит на нем, как проклятие. Позднее его дочь Майя напишет: «с 1937 года и до конца своей жизни (целых 43 года!) отец оставался ученым-одиночкой, по 20 часов в сутки дома занимавшимся теоретическими вопросами космических полетов».

Ари Штернфельд

Будучи безработным, Ари Штернфельд обращается в партийные органы, к руководству академических институтов, но все бесполезно. И тогда он пишет письмо прямо на имя Сталина. Письмо датировано 16 мая 1939 г. Письмо полно горечи, но главная мысль очевидна: дело не только в том, что он остался без работы, а в том, что он, человек, обладающий редкой специальностью, никому не нужен. «После удаления меня из НИИ, где я занимался вопросами астронавтики, все мои усилия устроиться на работу в АН остаются безрезультатными. Я осмеливаюсь просить Вас помочь мне продолжать работу в области, в которой после кончины Циолковского в Советском Союзе, по моим сведениям, никто не работает. Мне представляется

поистине парадоксальным тот прискорбный факт, что одному из немногих специалистов в мире в данной области нет возможности нормально работать...».

Но и теперь он не достаивается даже просто вежливого ответа. Он никому не нужен. Его творческий потенциал не будет использован даже тогда, когда космическая эра действительно наступит и по картам звездного мира, начертанным им когда-то, будут летать космические аппараты. Однако, как это ни парадоксально, уже в 1940 г., Академия наук, та самая, что отказывала Штернфельду в приеме на работу, представила на соискание только что учрежденной Сталинской премии среди научных работ его «Введение в космонавтику». А Центральное радиовещание передало 19 мая 1939 г. в эфир его беседу о космонавтике, в которой Ари ответил на вопросы радиослушателей. Можно сказать, что именно тогда началась работа Штернфельда по пропаганде научных знаний, в которой он зарекомендовал себя как один из самых талантливых популяризаторов XX века.

6.

Справедливости ради следует отметить, что желание заниматься популяризацией науки Штернфельд испытывал всегда. Еще проживая во Франции, он не раз выступал с популярными статьями во французских периодических изданиях, распространяемых по всему миру. Только в авиационном еженедельнике «Крылья» в 1934–1935 г.г. появилось восемь его статей по проблемам космонавтики. Даже в «Новостях литературы, искусства и науки» была опубликована его статья «Когда поэты возносятся в небо» – о космической теме в литературе. Оставшись без работы, оторванный от научных исследований, Штернфельд в 1938 – 1939 г.г. все свободное время отдает работе над книгой

«Полет в мировое пространство» и уже в начале 1941 г. сдает ее в издательство. Выходу книги помешала война. На прилавках она появилась только в 1949 г.

В сентябре 1939 г. Арии Штернфельд получает тревожное сообщение из Польши: вся его семья заперта в Лодзинском гетто. О том, что все его родные погибли, он узнает уже после войны. А в 1942 г. он сам с Густавой и двумя маленькими детьми оказывается на Урале. Практически все годы войны они оторваны друг от друга: жена преподает французский язык в городке Новая Ляля, он преподает в Metallургическом техникуме г. Серова. И вновь все свободное время – за письменным столом, а в результате, вернувшись в декабре 1944 г. в Москву, он немедленно передает для печати в «Доклады АН СССР» две написанные еще в эвакуации статьи.

В послевоенные годы все попытки трудоустройства по своей научной специальности заканчиваются неудачей. Его, как бывшего иностранца, да еще и с такой «неудобной» в годы яростной «борьбы с космополитизмом» фамилией, не принимали работать ни в один НИИ. Ему предлагают сменить фамилию на Звездин (Штернфельд в переводе с идиш означает «звездное поле»), но он отказывается. Правда, в его биографии уже произошел однажды эпизод, когда ему пришлось воспользоваться псевдонимом. В 1930 г. под его статьей в газете французских коммунистов «Юманите» стояла фамилия Л. Ролен (название улицы, где он жил), но ему тогда объяснили, что эта газета не имеет права печатать статьи иностранцев. Менять фамилию по конъюнктурным соображениям в стране, куда он так стремился попасть и власти которой он так доверял, Штернфельд не хочет.

Ари, Густава и две их дочери, Майя и Эльвира. Урал, город Серов. Зима 1943 года

С начала 1950-х г.г. его научно-популярные статьи начинают активно печататься в советских журналах, и их тут же с удовольствием перепечатывает пресса других стран. Штернфельд – частый гость на всевозможных конференциях и симпозиумах. Его доклад 23 марта 1951 г. на Третьей метеоритной конференции, организованной в Москве Комитетом по метеоритам АН СССР, вызвал настоящую сенсацию. В эти годы большой популярностью во всех слоях общества – и среди взрослых, и среди старших школьников – пользовался опубликованный еще перед самым началом войны научно-фантастический роман Александра Казанцева «Пылающий остров», в котором автор высказал свою гипотезу о происхождении так называемого Тунгусского метеорита. А. Казанцев предположил, что Тунгусская катастрофа связана с гибелью марсианского корабля.

Ари Штернфельд, рассчитав все возможные траектории перелета Марс – Земля, допускаемые механикой космического полета, доказал, что марсианский корабль не мог прилететь на Землю ни 30 июня 1908 года, ни в какой-либо другой срок, близкий к этой дате. Его расчеты показали, что, если уж и мог прилететь в это время какой-либо космический корабль, то это был визитер с Венеры. Тогда какова же была природа космического пришельца 1908 года? И на этот вопрос Штернфельд ответил. Дело в том, что Тунгусское тело двигалось навстречу орбитальному движению Земли, а это противоречит основным канонам механики космического полета. Так что космическим кораблем оно никак не могло бы быть.

А в это время в стране происходили события, в которых Штернфельд не только мог принять активное участие, но и сыграть в силу своих уникальных знаний серьезную роль. В середине 1946 г. принимается историческое решение о создании в СССР мощной ракетостроительной промышленности, и уже в 1951 г. состоялся первый запуск баллистической ракеты с подопытными собаками на борту. В 1954 г. принят к разработке проект первой межконтинентальной ракеты. В том же году Академия наук СССР учреждает настольную золотую медаль им. К. Циолковского «За выдающиеся работы в области межпланетных сообщений». Но работы ведутся в сверхсекретной обстановке, и Штернфельда к ним, естественно, близко не подпускают. Вместо разработки ракетной техники он проектирует противопожарное оборудование в одном из заштатных проектно-конструкторских бюро.

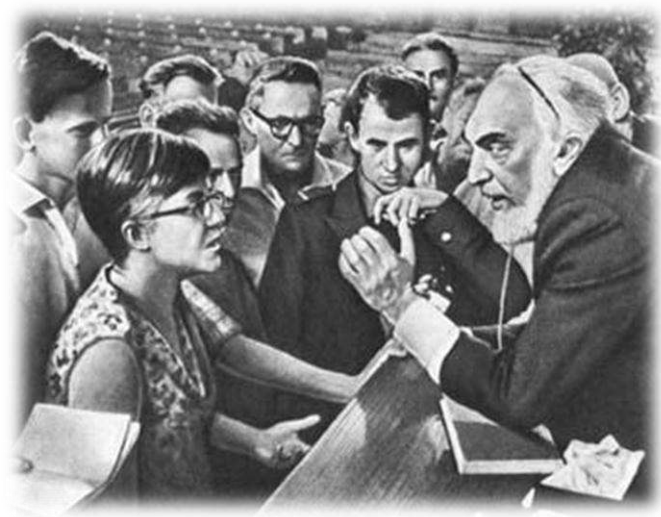

А. Штернфельд у памятника К. Э. Циолковскому. Калуга, 1957 г.

А пока одна за другой выходят его книги, посвященные популяризации идей освоения космоса. В 1955 г. появляется книга «Межпланетные полеты», второе издание которой выходит уже через год. В декабре 1956 года на прилавки книжных магазинов в буквальном смысле слова «выбрасывается» книга «Искусственные спутники Земли», которая мгновенно приобретает международную популярность и уже в следующие два года выдерживает 25 изданий в 18 странах. Только в США в 1959 году эта книга переиздается трижды. В 1958 году в Нью-Йорке издается сборник «Советские работы по искусственным спутникам и межпланетным полетам». 140 из 230 страниц в нем заняты переводом работ Ари Штернфельда. И это понятно: началась космическая эра. Его «Спутники» появились на год

раньше реального запуска первого из них. Огромную международную популярность приобретает и следующая его книга «От искусственных спутников к межпланетным полетам». Его статьи, комментарии, интервью не сходят со страниц газет.

В Польше Штернфельд и его семья смогли побывать только летом 1956 г. Он дважды подавал прошения о возвращении на постоянное место жительства в Польшу. В 1946 г., когда шла массовая репатриация бывших польских граждан, ему не разрешили, так как у него уже было советское гражданство.

А. Штернфельд со слушателями после лекции.

Варшавский университет. 1964 г.

В 1956 г. это была туристическая поездка. Ари, его жена и дочери посетили территорию бывшего Лодзинского гетто, узнали подробности гибели всех родных и близких в годы оккупации.

Спустя год Штернфельд получил наконец разрешение на репатриацию, но этого сделать уже не захотели его дочери. К тому же ему выделили в Москве желанную квартиру. В 1962 г. от неизлечимой болезни крови ушла из жизни Густава, и через какое-то время Ари сочетался браком с Ильзой Браун, редактором польской редакции радиовещания. Вместе они прожили 17 лет, вплоть до смерти Ари.

Имя Ари Штернфельда становится известным во всем мире, и лишь в СССР оно знакомо только узкому кругу специалистов по астронавтике. Не прозвучало оно публично и в те дни, когда космонавтика праздновала первые свои успехи. Но Ари был счастлив и без всеобщего признания. Его мечты сбылись: 4 октября 1957 г., был запущен первый искусственный спутник Земли, а всего через три с половиной года, 12 апреля 1961 г., состоялся первый полет человека в космос. Траектории запущенных в 1959–1962 г.г. советских и американских искусственных планет «Луна-1», «Венера-1», «Марс-1», «Пионер-4», «Пионер-5», «Рейнджер-3» базировались на расчетах, приведенных Штернфельдом еще в книге «Введение в космонавтику».

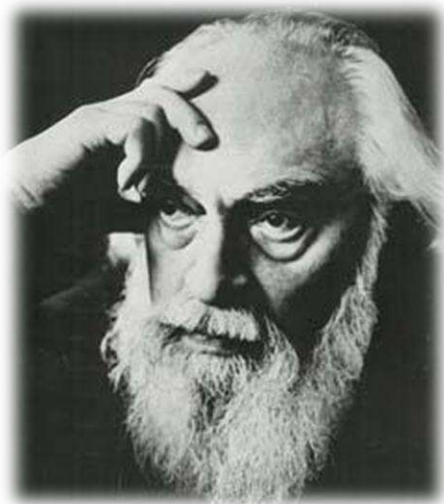
Занимаясь главным образом механикой космического полета, он рассчитал оптимальные навигационные сезоны, хронологию и режимы запусков космических аппаратов, энергетически наиболее выгодные траектории их полетов. Его разработки блестяще подтвердились и были использованы при размещении космодромов, выборе дат запусков спутников и кораблей, расчете их траекторий, в том числе при аварийном спуске. Он развил и обобщил полученные выводы для случая перелета с орбиты искусственного спутника на центральную планету, а затем запуска на орбиту спутника планеты и наконец для

переходов между орбитами. Результатом этих обобщений стала трехимпульсная, биэллиптическая траектория перехода, называемая в современной механике космического полета именем Штернфельда.

А. Штернфельд с космонавтами А. Николаевым и П. Поповичем.
1962 г.

И все-таки перелом в его жизни однажды наступает: с начала 60-х годов деятельность Штернфельда в области космонавтики получает официальное признание и в Советском Союзе, и за рубежом. В 1961 году во Франции его избирают Почетным членом Академии и Общества наук Лотарингии, а затем и доктором наук **Honoris causa** – без защиты диссертации, на основании значительных заслуг перед наукой – Нансийского университета. В 1962 году он и первый космонавт Юрий Гагарин удостоиваются Международной премии Галабера по астронавтике, но на вручение премии Штернфельд не едет: ему просто не дают зарубежной визы. У него вообще возникали огромные проблемы, когда ему необходимо было выехать за границу для получения научных премий и званий.

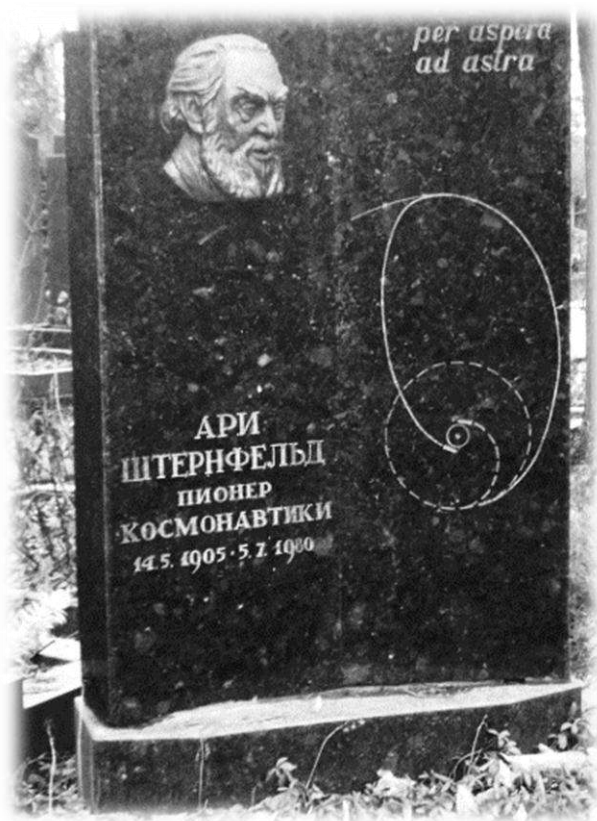

А. Штернфельд. Москва. 1980 год

Все эти годы Штернфельд продолжает жить в стесненных материальных условиях. До 1974 года СССР еще не присоединился к международной конвенции по охране авторских прав, и за многочисленные переводы своих работ Штернфельд не получал ни копейки. Он глубоко переживает, что его не допускают в научные коллективы, занимающиеся разработкой космических программ. Ему даже не могли определить пенсию по старости, так как у него не было необходимого стажа работы в государственных учреждениях страны. Лишь после вмешательства президента АН СССР М. Келдыша ему была назначена персональная пенсия республиканского значения.

Ушел из жизни Ари Абрамович 5 июля 1980 года. Он похоронен на Новодевичьем кладбище в Москве. На его памятнике, выполненном скульптором Фаиной Хазан в виде большой открытой книги, нанесены барельеф головы ученого, даты его рождения и смерти, знаменитая

(«штернфельдовская») «обходная траектория с предварительным удалением» и латинское изречение, которое точно характеризует жизненный путь Ари Штернфельда и которое он любил повторять: «Per aspera ad astra» – «Через тернии к звездам».

Памятник на Новодевичьем кладбище в Москве

К сожалению, имя Ари Штернфельда в трудах российских авторов по космонавтике найти трудно, однако в электронных энциклопедиях, коими сегодня наполнен Интернет, он всегда упоминается как один из основателей

современной космической науки. Но когда в эфире звучит популярная песня, начинающаяся словами «Заправлены в планшеты космические карты», вряд ли кто-нибудь из слушателей в тот момент задумывается над тем, кто же действительно был автором этих «космических карт». И уж тем более, вряд ли кто-нибудь из них знает, что карты эти почти сто лет назад составил, занимаясь в университете во Франции, молодой польский еврей по имени Ари Штернфельд.

**Проф. В. Г. ГЛАЗУНОВ,
инж. А. А. АНИМИЦА**

**Катастрофа Ту-154 на взлете с
аэродрома Сочи (Адлер) 25 декабря
2016 года⁹.**

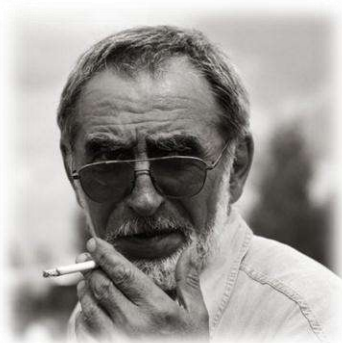
Взгляд авиационного метеоролога

*Памяти экипажа и пассажиров рейса самолета ТУ-154
Минобороны РФ, потерпевшего крушение на взлете со
снижением и ударом о воду вблизи аэродрома Сочи (Адлер)
25 декабря 2016 года.*

[5 лет со дня катастрофы]

Проф. В. Г. Глазунов

А. А. Анимица

Это воздушное судно (ВС) взлетало при официально
отмеченной средней скорости попутного (северо-

⁹ (Впервые опубликовано в интернет-журнале
«Авиаэксплорер» <http://www.aex.ru/docs/4/2019/3/27/2900/>).

восточного) ветра над взлетно-посадочной полосой (ВПП): 4 м/с (ночной бриз с суши на море).

Взлет с попутным ветром резко увеличивает длину потребной ВПП для набора необходимой воздушной скорости и отрыва от ВПП.

Предельное значение скорости попутного ветра, при которой взлет ВС должен быть запрещен, было установлено ранее решением МГА 5 м/с (из-за нехватки ВПП для набора скорости отрыва) и **важно**, что взлет этого ВС происходил «на пределе» значения попутного ветра над ВПП!

В России лишь два аэродрома – Сочи (Адлер) и Алдан (в Якутии) по условиям превышения внешнего горного рельефа вынуждены пользоваться лишь одним концом ВПП для взлета и посадки, т.е. и взлетать и садиться в Сочи можно только со стороны моря.

Рис. 1. Адлерская долина и ВПП аэродрома Сочи (Адлер), вид с моря.

На аэродроме Сочи (см. рис. 1, ВПП видна в торец – почти в центре фото) расположена как раз по оси Адлерской долины, и это демонстрирует опасность расположения ВПП точно в самом желобе долины.

Рис. 2. Вторжение холодного фронта воздуха через отрог Кавказского хребта в Адлерскую долину.

Желоб Адлерской долины перекрыт как заслонкой в верхней его части на северо-востоке отрогом Кавказского хребта. Поэтому при мощном вторжении фронта холодного воздуха, переваливающего через хребет, возникает прорыв – сток «порции» холодного воздуха в Адлерскую долину с формированием мощного и высокоскоростного стокового «языка», который будет разгоняться под собственным весом (и на контрасте с теплым воздухом в долине), и этот процесс может достигать катастрофических значений (30-40 и более м/с) уже на высоте 100 м над ВПП, а может быть, и ниже, аналогично описанным в литературе «стоковым ветрам» и возникновению опасного профиля струйного течения нижнего уровня в пограничном слое атмосферы.

Прорыв холодного воздуха в пограничном слое атмосферы (см. далее рис.3) обычно происходит часто в виде «Фронта порывов» (Gust Front, GF) в различных метеоусловиях – либо шквала перед грозой, либо холодного мезо-фронта над теплой поверхностью.

GF выглядит как резкий кратковременный шквал с быстрым (масштаба минут) нарастанием скорости ветра до ураганных значений (30 и более м/с) и мощным увеличением турбулентности.

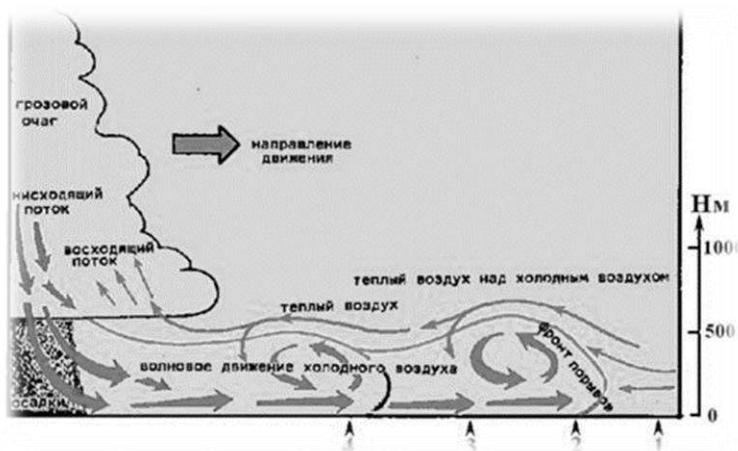

Рис. 3 Фронт порывов (Gust Front, GF) со схемы ИКАО, взято из: Метеорологическая экспертиза катастрофы Ми-8МТ на Шпицбергене в 2008 г.

При этом лавина холодного воздуха высотой лишь в несколько сотен метров приводит к резкому взрывному увеличению скорости ветра – «шквалу», она прокатывается по инерции от зоны возникновения иногда до десятков км «вперед», и потом может даже до начала следующей «порции» прорыва холодного воздуха рассеяться.

В мировой летной практике во многих ведущих странах мира за десятилетия зарегистрирован ряд тяжелых авиакатастроф с гибелью всех пассажиров, вызванных попаданием ВС в условия Фронта Порывов (GF), и дальнейшие расследования показали полную беспомощность ВС при попадании в сильные и очень сильные сдвиги ветра при GF (см док. ИКАО, Рис. 4).

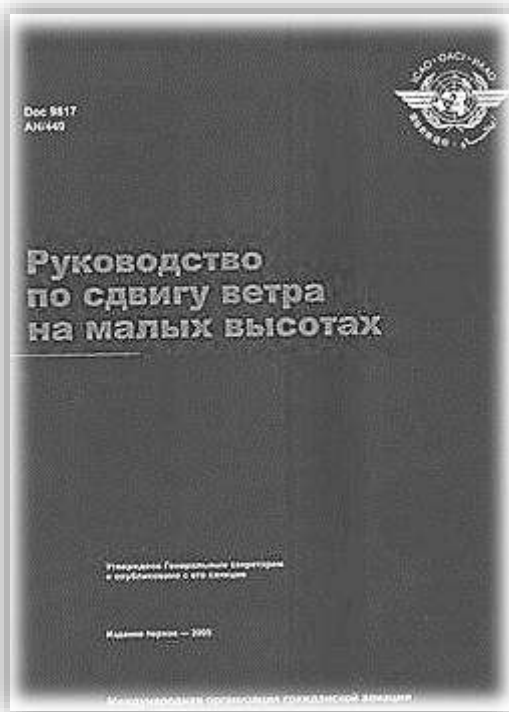

Рис. 4. Руководство по сдвигу ветра на малых высотах (ИКАО).

Именно из-за сдвигов ветра при GF для организации заблаговременного предупреждения пилотов ВС была

выполнена большая техническая международная программа и налажено в ряде стран производство для аэродромов специальных установок, доплер-радаров, которые по зарегистрированному резкому росту сдвигов ветра обнаруживают появление GF и оперативно предупреждают об этом диспетчеров и экипажи во многих известных аэродромах мира, тем самым уменьшая вероятность катастрофы от сдвигов ветра из-за GF (статья о доплер-радаре с определением сдвигов ветра:

<http://superjet.wikidot.com/wiki:radar>).

В данном случае авиационного происшествия (АП) в Сочи в результате анализа стало очевидно, что прорыв холодного воздуха в Адлерскую долину после преодоления им горного хребта и скатывания по долине вниз под действием сил плавучести и вызвал формирование «попутного» GF для взлета ТУ-154 с ВПП Сочи в долине, что и вызвало резкую потерю высоты данного взлетающего ВС вплоть до достижения им касания водной поверхности.

Важно также то, что почти во всех случаях АП с сильными сдвигами ветра в мире встречались и анализировались в международных документах пока только случаи со «встречным» шквалом от действия GF (положительный сдвиг ветра), а в данном случае движение ВС было как раз «попутным» с направлением шквала GF, что и вызвало резкую потерю воздушной скорости ВС и касание им воды в режиме кабрирования с дальнейшим разрушением ВС.

На рис. 2. показана закрытая облаками верхняя зона долины при начале холодного вторжения, т. е. это начало «обвала» холодного воздуха вниз по долине, перевалившего через хребет.

Важно иметь в виду, что при таком явлении стока холодного воздуха по долине вниз процесс может происходить в пульсационном режиме – в виде движущейся «лавины» (микрo-мезо-холодного фронта) холодного воздуха, или огромной «капли» скатывающегося к теплoму морю холодного воздуха с длительностью процесса лишь в десятки минут и затишьем как перед, так и после скатывания этой «капли» – лавины холодного воздуха!

Если самолет взлетает с ВПП «по ветру» и при малом попутном ветре, после отрыва от ВПП он попадает в слои с резко усиливающимся попутным ветром, начиная с высоты 100 м, происходит резкая потеря воздушной скорости, потеря высоты и снижение вплоть до самой поверхности воды!

ВС находится во взлетной конфигурации кабрирования – т. е. задран вверх его нос и опущены вниз хвостовое оперение и двигатели ВС Ту-154.

При встрече ВС с водой как жесткой несжимаемой средой касание воды в этой конфигурации ВС сразу приведет к отлому хвостовых плоскостей ВС и двигателей (этим и объясняется разброс деталей ВС в виде длинной полосы на воде) с дальнейшим падением ВС в воду. Похоже, оно именно так и произошло.

В истории авиации известны умышленно и четко выполненные посадки ВС на воду, они описаны в мировой литературе, когда корпус ВС специально приводится в положение, параллельное воде, как на ВПП, примеры удачных посадок:

Ленинград, посадка Ту-124 на Неву 21 августа 1963 года и Нью Йорк, аварийная посадка на Гудзон 15 января 2009 года Airbus A320-214).

Самолеты после приводнения и глиссирования остались на плаву, не разломались и плавали на воде, все люди были спасены.

Если обнаружится, что потеря воздушной скорости на взлете ВС - состоявшийся факт, нужно **строго запретить взлет самолета в Сочи при любой, даже самой слабой попутной скорости ветра у земли!**

В связи с новой и очень высокой государственной значимостью аэродрома Сочи (Адлер) периоды отмены вылетов при попутном ветре становятся серьезным препятствием для регулярности полетов и реально пора ставить вопрос о создании в Сочи новой ВПП – параллельно береговой линии и перпендикулярно старой ВПП.

При таком расположении ВПП вдоль уреза воды случаи «попутного ветра» для взлета исключаются, а наблюдающийся слабый боковой горно-долинный и бризовый ветер до 5 м/с у Земли и вообще не будет препятствовать работе аэропорта!

Вопрос этот чрезвычайно важный и серьезный, т. к. действующий в данном случае опасный фактор «попутного ветра при взлете ВС» представляет непосредственную угрозу жизни людей!

Вывод-рекомендация: нужно рекомендовать построить в Сочи новую ВПП параллельно железной дороге со стороны моря (см. на переднем плане рис. 1 и 2), и тогда единственной проблемой будет сделать туннель для

железной дороги под будущей новой ВПП, чтобы ВС могли беспрепятственно выкатываться на ВПП.

Поскольку явление прорыва и «стока» холодного воздуха по Адлерской долине не является частым, вероятность прохода GF при взлете ВС мала, это не облегчает ситуацию, вероятность такого АП сохраняется, и оно может случиться в будущем!

При рекомендуемом расположении ВПП вдоль берега моря даже при прохождении GF «боковая» встреча ВС с фронтом произойдет на высоте, которая позволяет боковым маневром избежать происшествия и продолжать набор высоты.

Конечно, для аэродрома Сочи обязательно и необходимо установить выше ВПП в долине доплер-радар для определения усилений сдвига ветра и выявления появления движущегося GF и организации оперативного оповещения диспетчеров и экипажей ВС и почти полного устранения вероятности АП по этой причине!

***Примечание** от Романа Гусарова, главного редактора журнала «Авиаэксперт»:*

Вячеслав Гаврилович Глазунов в течение 7 лет являлся экспертом портала AVIA.RU, на страницах которого публиковались его аналитические статьи и экспертные заключения. И каждый такой материал представлял собой проекцию его высочайшего профессионализма и, зачастую, нестандартного для авиаторов взгляда на те или иные вопросы с позиции метеоролога. Именно это и определяло уникальность таких публикаций, которые всегда порождали широчайшие дискуссии в профессиональном сообществе. Искренне жаль, что сегодня с нами нет этого замечательного человека, и благодарен судьбе, что такой человек рядом с нами был.

Об авторах, и редакторах

Эйтан Адам. Родился в Ленинграде в семье литераторов-шестидесятников. С 15 лет живет в Израиле. Ветеран 1-ой ливанской войны, пехотный санинструктор, в рядах бригады «Голани» дошел до Бейрута. Математик и программист, учился в Технионе и в университете имени Бен-Гуриона, около 30 лет проработал в израильском хай-теке. Изучал биоинформатику в Колледже менеджмента. Изучал герменевтику и культурологию в магистратуре университета имени Бар-Илана. Ученик Центра изучения Каббалы.

Регулярно читает лекции по истории и литературе в Доме ученых Хайфы и в Клубе книголюбов. Пишет стихи, прозу, статьи, книги. Призер Международного конкурса драматургии «Весь мир – театр. Новое слово для сцены» (2021), пьеса «Неброское наследство».

Анатолий Анимца. Родился в 1947 году в греческом селе Кременевка возле Мариуполя (Донецкая область, Украина). В 1970 году закончил МИИТ (Москва). Инженер по вычислительной технике. Программист, электроник, экономист, изобретатель, яхтсмен. Живет в Мариуполе.

Яков Басин. Историк, публицист. Автор одиннадцати книг, также двух монографий. Составитель и редактор 14-ти сборников научных работ по современной истории. Член Международной федерации журналистов. В Израиле с 2010 года. Живет в Иерусалиме.

Борис Годин. Родился в Харькове в 1950 году. Окончил харьковскую физико-математическую школу №27, вечернее отделение ХПИ, машиностроительный факультет. Профессия: инженер-механик. Совершил Алию в Израиль 26.03.1993. В Израиле работал по специальности. С 2016 г. доброволец в Яд Вашем.

Леонид Дынкин. Родился в Московской коммунальной квартире образца 1937 года. Послевоенная разруха. Средняя школа. 50-е годы – Техникум. Служба в Армии.

60-е – Семья. МИСИ им. В. В. Куйбышева – вечернее отделение (Специальность – сейсмостойкие конструкции).

70-е – студенческая поэтическая студия Игоря Волгина – МГУ им. М. В. Ломоносова; творческая мастерская Григория Львовича Рошала – Центральный Дом Кино.

90-е годы – Репатриация в Израиль. Главные приобретения – Друзья, Дом, Отечество. Работа в Тель-Авивском инженерном объединении.

Публикации – Израиль, Россия, Германия, Финляндия, США. Член Союза русскоязычных писателей Израиля.

Призёр Международных поэтических конкурсов.

Живёт в г. Ашкелон, Израиль. Автор 4-х книг стихов.

Алекс Манфиш. Живет в Хайфе, приехал в Израиль из Ленинграда. По специальности – детский психолог, работает в городском отделе образования. Пишет стихи, прозу, эссе на культурологические и философские темы, исторические исследования. Переводит стихи с иврита и немножко с английского. Издал три книги стихов и поэм, роман-диологию и две книжки для детей. Публикуется на портале «Заметки по еврейской истории» – в одноименном издании, а также в журналах «Семь искусств» и «Мастерская».

Марина Симкина. Большую часть жизни прожила в Ленинграде/Петербурге и уже много лет – в Израиле, в Хайфе. Инженер, и учитель математики. Публикации в альманахах и периодических изданиях Израиля, России и других стран. Член Союза русскоязычных писателей Израиля, соруководитель хайфской литературной студии «Анахну» (в переводе с иврита – «Мы»).

Выпустила единственную собственную книгу стихов. И – в качестве редактора – несколько альманахов и книг друзей.

Елена Текс. Родилась и жила в Украине, г. Кривой Рог. По специальности инженер-химик. В Израиле с 1994 г. Член Союза русскоязычных писателей Израиля. Автор четырех сборников авторских стихов и книги переводов с украинского на русский язык стихов Лины Костенко. Публикации в коллективных сборниках Израиля, России, Германии, США.

София Шегель. Родилась в Киеве. Окончила Вильнюсский университет, историко-филологический факультет. Работала в белорусском книжном издательстве «Вышэйшая школа», литовском издательстве «Минтис» («Мысль»). В Израиле с 1989 г., работала в газете «Наша страна», затем «Новости недели». Публиковалась в литовской, белорусской, украинской, московской и израильской периодике. Занимается переводами с литовского и славянских языков на русский. Живет в Ашдоде.

Марк Шехтман. Родился в Таджикистане в 1948 году. Получил два образования: физико-математическое и филологическое. Кандидатская диссертация и научные интересы связаны с теорией мифа и научной фантастикой.

В 1990 году репатриировался в Израиль. Ныне живет в Иерусалиме, состоит в Союзе русскоязычных писателей Израиля. Автор шести сборников стихов. Публикации в журналах и коллективных сборниках России, Израиля и других стран. Победитель 5-го Международного конкурса «ПТИЦА-2018» и 6-го Международного конкурса им. И. Царева «Пятая стихия – 2019».

Для заметок

ГАЛЕРЕЯ (((СОНАР)))

АННА ХОЧКИНА

Немного о себе.

Художник-живописец. Родилась в 1983 г. в Калуге. В 2006 г. окончила МГХПА им С. Г. Строганова (Московская государственная художественно-промышленная академия) по специальности «художественный металл».

Живу и работаю в Москве. Занимаюсь в основном живописью.

В основе каждого произведения искусства лежит ощущение, образ, чувство. В искусстве вижу огромное поле способов выражения объектов восприятия, ощущений и форм. При этом не все, что человек чувствует, имеет рациональное выражение. Как мы знаем, в искусстве много направлений, связанных с изображением того, чего нет. И набор символов, порой противоречивых, может создать гамму смыслов, ощущений и размышлений.

Вдохновение, предшествующее картине, имеет свое ощущение. Я вижу, что работать над картиной надо из одного и того же ощущения. Со временем у меня стало получаться поддерживать нужное состояние все дольше и дольше, что отразилось на длительности исполнения. Люблю изображать радостные и счастливые состояния и поддерживать себя в этих состояниях во время работы над картинами. Соответственно, люблю писать на позитивные и радостные темы: красоту природы, красок солнца и цветов. Стараюсь работать, используя максимальное количество техник, изученных мной на протяжении длинного пути овладения мастерством.

Другой важной темой творчества являются иллюстрации философий, «мистических» состояний и духовных практик. В планах – развивать синтез реализма и сложных символических сюжетов.

Надеюсь, что мое творчество оставляет у зрителя позитивное состояние и радостные ассоциации.

С уважением – Анна

Этюд. 50x50, холст, масло, 2021

Ирисы. 50x70

Хрен. 50х60, холст, масло, 2015

Мальвы. 77x110, акрил, 2015

Свежий ветер. 50x70, 2017

Лукоморье. 150x200, холст, масло, 2014

Майорка. 35x50 см холст, масло, окт. 2013

Ночь. 50x60, холст, масло, 2018

Оживление. 60x80, холст, масло, 2017

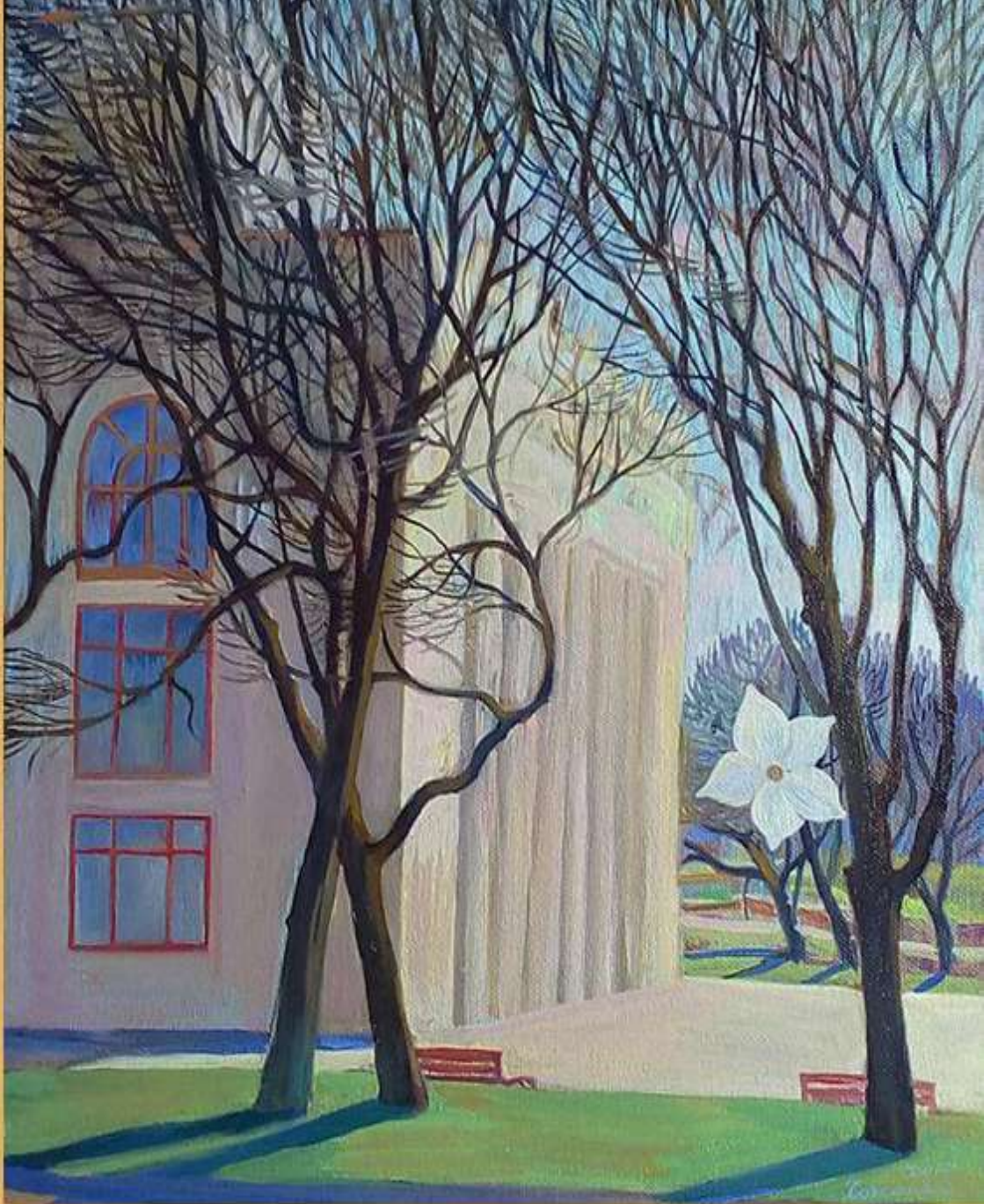

**Три дерева кармы. 170 x 100, картина
на дереве, масло**

Источник: <http://dotart.info/ru/art/work=3170>

**На 1-й, 3-й и 4-й страницах обложки
использованы работы художника номера
Анны Хочкиной.**

**Литературно-публицистический журнал
(((СОНАР))) №3. 2021 г.
Редакция СОНАР, Хайфа**

